

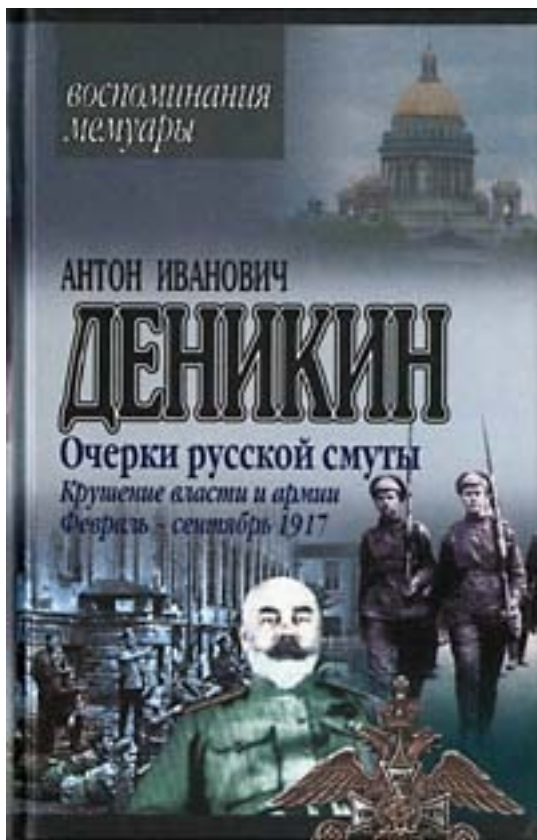
*воспоминания
мемуары*

АНТОН ИВАНОВИЧ

ДЕНИКИН

Очерки русской смуты

*Крушение власти и армии
Февраль - сентябрь 1917*

Антон Иванович Деникин
Крушение власти и армии.
(Февраль-сентябрь 1917 г.)
Серия «Очерки русской смуты», книга 1

*Нет данных; доп. обработка: Hoaxer (hoaxer@mail.ru)
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153394
Деникин А.И. Очерки русской смуты.: Париж; 1921*

Аннотация

В данной книге автор рассказывает о событиях, происходивших в России в феврале–сентябре 1917 года: предреволюционная смута, военные реформы Временного правительства, потеря армией управления и, как следствие, – ее развал.

Содержание

Предисловие	4
Глава I. Устои старой власти: вера, царь и отечество	6
Глава II. Состояние старой армии перед революцией	31
Глава III. Старая армия и государь	51
Глава IV. Революция в Петрограде	63
Глава V. Революция и царская семья	80
Глава VI. Революция и армия. – Приказ № 1	95
Глава VII. Впечатления от Петрограда в конце марта 1917 года	117
Глава VIII. Ставка; ее роль и положение	129
Глава IX. Мелочи жизни в Ставке	151
Глава X. Генерал Марков	158
Глава XI. Власть: Дума, Временное правительство, командование, Совет рабочих и солдатских депутатов	172
Конец ознакомительного фрагмента.	187

Антон Иванович Деникин

Очерки русской смуты

**Том I. Крушение
власти и армии.**

(Февраль–сентябрь 1917)

Предисловие

В кровавом тумане русской смуты гибнут люди и стираются реальные грани исторических событий.

Поэтому, невзирая на трудность и неполноту работы в беженской обстановке – без архивов, без материалов и без возможности обмена живым словом с участниками событий, я решил издать свои очерки.

В первой книге говорится главным образом о русской армии, с которой неразрывно связана моя жизнь. Вопросы политические, социальные, экономические затронуты лишь в

той мере, в какой необходимо очертить их влияние на ход борьбы.

Армия в 1917 году сыграла решающую роль в судьбах России. Ее участие в ходе революции, ее жизнь, растление и гибель – должны послужить большим и предостерегающим уроком для новых строителей русской жизни.

И не только в борьбе с нынешними поработителями страны. После свержения большевизма, наряду с огромной работой в области возрождения моральных и материальных сил русского народа, перед последним, с небывалой еще в отечественной истории остротой встанет вопрос о сохранении его державного бытия.

Ибо за рубежами русской земли стучат уже заступами могильщики и скалят зубы шакалы, в ожидании ее кончины.

Не дождутся. Из крови, грязи, нищеты духовной и физической встанет русский народ в силе и в разуме.

А. Деникин

Брюссель.

1921 г.

Глава I. Устои старой власти: вера, царь и отечество

Неизбежный исторический процесс, завершившийся февральской революцией, привел к крушению русской государственности. Но, если философы, историки, социологи, изучая течение русской жизни, могли предвидеть грядущие потрясения, никто не ожидал, что народная стихия с такой легкостью и быстротой сметет все те устои, на которых покоилась жизнь: верховную власть и правящие классы – без всякой борьбы ушедшие в сторону; интеллигенцию – одаренную, но слабую, беспочвенную, безвольную, вначале среди беспощадной борьбы сопротивлявшуюся одними словами, потом покорно подставившую шею под нож победителей; наконец – сильную, с огромным историческим прошлым, десятиmillionную армию, развалившуюся в течение 3–4 месяцев.

Последнее явление, впрочем, не было столь неожиданным, имея страшным и предостерегающим прообразом эпилог манчжурской войны и последующие события в Москве, Кронштадте и Севастополе... Прожив недели две в Харбине в конце ноября 1905 года и проехав по сибирскому пути в течение 31 дня (декабрь 1907 года) через целый ряд «республик» от Харбина до Петрограда, я составил себе ясное

понятие о том, что можно ожидать от разнузданной, лишенной сдерживающих начал солдатской черни. И все тогдашние митинги, резолюции, советы и, вообще, все проявления военного бунта – с большей силой, в несравненно более широком масштабе, но с фотографической точностью повторились в 1917 году.

Следует отметить, что возможность столь быстрого психологического перерождения отнюдь не была присуща одной русской армии. Несомненно, усталость от 3-летней войны сыграла во всех этих явлениях не последнюю роль, в той или другой степени коснувшись всех армий мира и сделав их более восприимчивыми к разлагающим влияниям крайних социалистических учений. Осенью 1918 года германские корпуса, оккупировавшие Дон и Малороссию, разложились в одну неделю, повторив до известной степени пройденную нами историю митингов, советов, комитетов, свержения офицерского состава, а в некоторых частях – распродажи военного имущества, лошадей и оружия... Только тогда немцы поняли трагедию русского офицерства. И нашим добровольцам приходилось видеть не раз унижение и горькие слезы немецких офицеров – некогда надменных и бесстрастных.

– Ведь с нами, с русскими, это же самое сделали вы – собственными руками...

– Нет, не мы – наше правительство – отвечали они.

Зимой 1918 года я, как командующий Добровольческой армией, получил предложение от группы германских офи-

церов, желавших поступить в нашу армию рядовыми добровольцами...

Нельзя также объяснить развал психологией неудач и поражения. Брожение армии испытали и победители: во французских войсках, оккупировавших в начале 1918 года Румынию и Одесский район, во французском флоте, плававшем в Черном море, в английских войсках, прибывших в район Константинополя и в Закавказье, и даже в могучем английском флоте в дни его наивысшего нравственного удовлетворения победой, в дни пленения германского флота – было не совсем благополучно. Войска начали выходить из повиновения начальникам, и только быстрая демобилизация и пополнение свежими, отчасти добровольческими элементами, изменили положение.

Каково было состояние русской армии к началу революции? Испокон века вся военная идеология наша заключалась в известной формуле:

– За веру, царя и отечество.

На ней выросли, воспитались и воспитывали других десятки поколений. Но в народную массу, в солдатскую толщу эти понятия достаточно глубоко не проникали.

Религиозность русского народа, установившаяся за ним веками, к началу 20 столетия несколько пошатнулась. Как народ-богоносец, народ вселенского душевного склада, великий в своей простоте, правде, смирении, всепрощении – народ поистине христианский терял постепенно свой облик,

подпадая под власть утробных, материальных интересов, в которых сам ли научался, его ли научали видеть единственную цель и смысл жизни... Как постепенно терялась связь между народом и его духовными руководителями, в свою очередь оторвавшимися от него и поступившими на службу к правительственной власти, разделяя отчасти ее недуги... Весь этот процесс духовного перерождения русского народа слишком глубок и значителен, чтобы его можно было охватить в рамках этих очерков. Я исхожу лишь из того несомненного факта, что поступавшая в военные ряды молодежь к вопросам веры и церкви относилась довольно равнодушно. Казарма же, отрывая людей от привычных условий быта, от более уравновешенной и устойчивой среды с ее верою и суевериями, не давала взамен духовно-нравственного воспитания. В ней этот вопрос занимал совершенно второстепенное место, заслоняясь всецело заботами и требованиями чисто материального, прикладного порядка. Казарменный режим, где все – и христианская мораль, и религиозные беседы, и исполнение обрядов – имело характер официальный, обязательный, часто принудительный, не мог создать надлежащего настроения. Командовавшие частями знают, как трудно бывало разрешение вопроса даже об исправном посещении церкви.

Война ввела в духовную жизнь воинов два новых элемента: с одной стороны моральное огрубение и ожесточение, с другой – как будто несколько углубленное чувство веры, на-

веянное постоянной смертельной опасностью. Оба эти антипода как-то уживались друг с другом, ибо оба исходили из чисто материальных предпосылок.

Я не хочу обвинять огульно православное военное духовенство. Много представителей его проявили подвиги высокой доблести, мужества и самоотвержения. Но надо признать, что духовенству не удалось вызвать религиозного подъема среди войск. В этом, конечно, оно несколько не виновато, ибо в мировой войне, в которую была вовлечена Россия, играли роль чрезвычайно сложные политические и экономические причины, и не было вовсе места для религиозного экстаза. Но, вместе с тем, духовенству не удалось создать и более прочную связь с войсками. Если офицерский корпус все же долгое время боролся за свою командную власть и военный авторитет, то голос пастырей с первых же дней революции замолк, и всякое участие их в жизни войск прекратилось^[1].

Мне невольно приходит на память один эпизод, весьма характерный для тогдашнего настроения военной среды. Один из полков 4-ой стрелковой дивизии искусно, любовно, с большим старанием построил возле позиций походную церковь. Первые недели революции... Демагог поручик решил, что его рота размещена скверно, а храм – это предрассудок. Поставил самовольно в нем роту, а в алтаре вырыл

¹ Съезды духовенства в Ставке и в штабах армий не имели никакого реального значения.

ровик для...

Я не удивляюсь, что в полку нашелся негодяй-офицер, что начальство было терроризовано и молчало. Но почему 2–3 тысячи русских православных людей, воспитанных в мистических формах культа, равнодушно отнеслись к такому осквернению и поруганию святыни?

Как бы то ни было, в числе моральных элементов, поддерживающих дух русских войск, вера не стала началом, побуждающим их на подвиг или сдерживающим от развития впоследствии звериных инстинктов.

В общероссийском масштабе православное духовенство также осталось за бортом разбушевавшейся жизни, разделив участь с теми социальными классами, к которым примыкало: высшее – причастное, к сожалению, некоторыми именами (митрополиты Питирим и Макарий, архиепископ Варнава и др.) к распутинскому периоду петроградской истории – с правившей бюрократией; низшее – со средней русской интеллигенцией.

Для успокоения религиозной совести русского народа Святейший Синод впоследствии посланием от 9 марта санкционировал совершившийся переворот и призвал *довериться Временному правительству... чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни...* Но когда жизнь эта стала принимать донельзя уродливые, аморальные формы, духовенство оказалось совершенно бессильным для

борьбы: русская революция в первой стадии своей не создала ни одного сколько-нибудь заметного народно-религиозного движения, хотя бы в таком масштабе, как некогда у лжеучителей Иллиодора и Иннокентия, не выдвинула ни одного яркого имени поборника поруганной правды и христианской морали. Я не берусь судить о действенном начале в русской православной церкви после пленения ее большевиками. Жизнь церкви в советской России покрыта пока непроницаемой для нас завесой. Но процесс духовного возрождения ширится несомненно, а мученический подвиг сотен, тысяч служителей церкви, по-видимому, бороздит уснувшую народную совесть и входит в сознание народное творимой легендой.

* * *

Царь?

Едва ли нужно доказывать, что громадное большинство командного состава было совершенно лояльно по отношению к идее монархизма, и к личности государя. Позднейшие эволюции старших военачальников-монархистов вызывались чаще карьерными соображениями, малодушием или желанием, надев «личину», удержаться у власти для проведения своих планов. Реже – крушением идеалов, переме-

ной мировоззрения или мотивами государственной целесообразности. Наивно было, например, верить заявлениям генерала Брусилова, что он с молодых лет «социалист и республиканец». Он – воспитанный в традициях старой гвардии, близкий к придворным кругам, проникнутый насковозь их мировоззрением, «барин» – по привычкам, вкусам, симпатиям и окружению. Нельзя всю долгую жизнь так лгать себе и другим.

Русское кадровое офицерство в большинстве разделяло монархические убеждения и в массе своей было во всяком случае лояльно.

Несмотря на это, после японской войны, как следствие первой революции, офицерский корпус почему-то был взят под особый надзор департамента полиции, и командирам полков периодически присылались черные списки, весь трагизм которых заключался в том, что оспаривать «неблагонадежность» было почти бесполезно, а производить свое, хотя бы негласное, расследование не разрешалось. Мне лично пришлось вести длительную борьбу с киевским штабом по поводу маленьких назначений (командира роты и начальника пулеметной команды) двух офицеров 17-го Архангелогородского полка, которым я командовал до последней войны. Явная несправедливость их обхода легла бы тяжелым бременем на совесть и авторитет командира полка, а объяснить ее не представлялось возможным. С большим трудом удалось отстоять этих офицеров, и впоследствии оба они пали слав-

ную смертью в бою. Эта система сыска создавала нездоровую атмосферу в армии.

Не ограничиваясь этим, Сухомлинов создал еще свою сеть шпионажа (контрразведки), возглавлявшуюся неофициально казненным впоследствии за шпионаж в пользу Германии полковником Мясоедовым. В каждом штабе округа учрежден был орган, во главе которого стоял переодетый в штабную форму жандармский офицер. Круг деятельности его официально определялся борьбой с иностранным шпионажем – цель весьма полезная; неофициально – это было типичное воспроизведение аракчеевских «профостов». Покойный Духонин до войны, будучи еще начальником разведывательного отделения киевского штаба, горько жаловался мне на тяжелую атмосферу, внесенную в штабную службу новым органом, который, официально подчиняясь генерал-квартирмейстеру, фактически держал под подозрением и следил не только за штабом, но и за своими начальниками.

Действительно, жизнь как будто толкала офицерство на протест в той или другой форме против «существующего строя». Среди служилых людей с давних пор не было элемента настолько обездоленного, настолько необеспеченного и бесправного, как рядовое русское офицерство. Буквально нищенская жизнь, попрание сверху прав и самолюбия; венец карьеры для большинства – подполковничий чин и болезненная, полуголодная старость. Офицерский корпус с половины 19 века совершенно утратил свой сословно-кастовый

характер. Со времени введения общеобязательной воинской повинности и обнищания дворянства, военные училища широко распахнули свои двери для «разночинцев» и юношей, вышедших из народа, окончивших гражданские учебные заведения. Таких в армии было большинство. Мобилизации в свою очередь влили в офицерский состав большое число лиц свободных профессий, принесших с собою новое мировоззрение. Наконец, громадная убыль кадрового офицерства заставила командование поступиться несколькими требованиями военного воспитания и образования, введя широкое производство в офицеры солдат, как за боевые отличия, так и путем проведения их через школы прапорщиков с низким образовательным цензом.

Последние два обстоятельства, неизбежно присущие народным армиям, вызвали два явления: понизили, несомненно, боевую ценность офицерского корпуса и внесли некоторую дифференциацию в его политический облик, приблизив еще более к средней массе русской интеллигенции и демократии. Этому не поняли или, вернее, не хотели понять вожди революционной демократии в дни революции.

Везде в дальнейшем изложении я противопоставляю «революционную демократию» – конгломерат социалистических партий – истинной русской демократии, к составу которой, без сомнения, принадлежит средняя интеллигенция и служилый элемент.

Но и кадровое офицерство постепенно изменяло свой

облик. Японская война, вскрывшая глубокие болезни, которыми страдала страна и армия, Государственная Дума и несколько более свободная после 1905 года печать сыграли особенно серьезную роль в политическом воспитании офицерства. Мистическое «обожание» монарха начало постепенно меркнуть. Среди младшего генералитета и офицерства появлялось все больше людей, умевших различать идею монархизма от личностей, счастье родины – от формы правления. Среди широких кругов офицерства явился анализ, критика, иногда суровое осуждение. Появились слухи – и не совсем безосновательные – о тайных офицерских организациях. Правда, подобные организации, как чуждые всей структуре армии, не имели и не могли приобрести ни особого влияния, ни значения. Однако, они сильно беспокоили военное министерство, и Сухомлинов, в 1908 или в 1909 году, секретно сообщал начальникам о необходимости принятия мер против тайного общества, образовавшегося из офицеров, недовольных медленным и бессистемным ходом реорганизации армии и желавших, якобы, насильственными мерами ускорить ее...

Настроения в офицерском корпусе, вызванные многообразными причинами, не прошли мимо сознания высшей военной власти. В 1907 году вопросы об улучшении боевой подготовки армии и удовлетворении насущных ее потребностей, в том числе и офицерский вопрос, обсуждались в «Особой подготовительной комиссии при Совете государствен-

ной обороны», в которую входили, между прочим, такие крупные генералы старой школы, как Н. И. Иванов, Эверт, Мышлаевский, Газенкампф и др. . . Интересно их отношение к данному вопросу^[2].

Генерал Иванов говорил:

«Упрекнуть наших офицеров в готовности умереть нельзя, но подготовка их, в общем, слаба, и в большинстве они недостаточно развиты; кроме того, наличный офицерский состав так мал, что наблюдается, как обычное явление, что на лицо в роте всего один ротный командир. Старшие начальники мало руководят делом обучения; их роль сводится, по преимуществу, к контролю и критике. За последнее время приходится констатировать почти повальное бегство офицеров из строя, причем уходят, главным образом, лучшие и наиболее развитые офицеры» . . .

О повальном бегстве из строя «всего наиболее энергичного и способного» говорил и генерал Эверт. А генерал Мышлаевский добавил: «с полным основанием можно сказать, что наши военные училища пополняют не столько войска, сколько пограничную стражу, главные управления и даже в значительной мере гражданские учреждения». Мышлаевский, в качестве начальника Главного штаба, имевше-

² Из секретного журнала заседаний.

го постоянное соприкосновение с бытом войск, указывал на новые явления: на «недоумение и беспокойство в верхних и средних слоях офицерского состава», вызванное, по его мнению, непопулярностью вновь введенного аттестационного порядка, принудительным увольнением по предельному возрасту и «неопределенностью новых требований»; на пропаганду среди «самого молодого офицерского состава», которая уже «достигла некоторых успехов».

Все они – Иванов, Эверт, Мышлаевский и другие – видели главную, некоторые исключительную причину ослабления офицерского корпуса в вопиющей материальной необеспеченности его, а в устранении этого положения – надежнейшее средство разрешения офицерского вопроса. Не отрицая большого значения этого материального фактора, нельзя, однако, ограничиться таким элементарным объяснением перелома в жизни офицерской среды; в его возникновении играли роль и другие причины, более глубокие: и суженные тяжелыми внешними условиями духовные запросы и интересы военной среды, и те обстоятельства, которые, вероятно, впервые в таком высоком собрании умудренных жизнью и опытом военных сановников изложил молодой подполковник генерального штаба, князь Волконский:

«Что важно и что неважно, определяют теперь прежде всего соображения политические... Действительно неотложны теперь лишь меры, могущие

оградить армию от революционирования... Возможен ли бунт в армии? Пропаганда не прекратилась, а стала умнее. Здесь говорили – „офицеры преданы царю“. Морские офицеры были не менее преданы. Говорят: „морские бунты совпали с разгаром революции“. Но революция может вновь разгореться; аграрный вопрос может поставить армию перед таким искушением, которого не было во флоте. Офицерство волнуется. Кроме волнений, оставляющих след в официальных документах, есть течения другого рода: офицеры, преданные присяге, смущены происходящим в армии; иные подозревают верхи армии в тайном желании ее дезорганизовать. Такое недоверие к власти – тоже материал для революционного брожения, но уже справа. Вообще, непрерывное напряжение, травля газет, ответственность за каждую похищенную революционерами винтовку, недостаток офицеров и бедность истрепали нервы, т. е. создали ту почву, на которой вспыхивает революционное брожение, нередко даже наперекор убеждениям»...

При этих условиях можно только удивляться, насколько все-таки сохранилось наше офицерство и насколько твердо противостояло оно левым противогосударственным течениям. Процент деятелей, ушедших в подполье или изблеченных властью, был ничтожен.

Что касается отношения к трону, то, как явление общее, в офицерском корпусе было стремление выделить особу го-

сударя от той придворной грязи, которая его окружала, от политических ошибок и преступлений царского правительства, которое явно и неуклонно вело к разрушению страны и к поражению армии. Государю прощали, его старались оправдать. Как увидим ниже, к 1917 году и это отношение в известной части офицерства поколебалось, вызвав то явление, которое князь Волконский называл «революцией справа», но уже на почве чисто политической.

Несколько в стороне от общих условий офицерской жизни стояли офицеры гвардии. С давних пор существовала рознь между армейским и гвардейским офицерством, вызванная целым рядом привилегий последних по службе – привилегий, тормозивших сильно и без того нелегкое служебное движение армейского офицерства³. Явная несправедливость такого положения, обоснованного на исторической традиции, а не на личных достоинствах, была большим местом армейской жизни и вызывала не раз и в военной печати страстную полемику. Я лично неоднократно подымал этот вопрос в печати. Один из военных писателей, полковник Залесский (ныне генерал) – тот даже лекцию о применении в бою технических средств связи заканчивал катоновской формулой:

– Кроме того, полагаю, что необходимо упразднить привилегии гвардии.

Заметьте – только привилегии. Так как никто не посягал

³ Быстрое чинопроизводство, перевод в армию высшим чином, несоразмерный процент назначений гвардейцев командирами армейских полков и т. д.

на существование старых испытанных частей, многие из которых имели выдающуюся боевую историю.

Замкнутый в кастовых рамках и устаревших традициях корпус офицеров гвардии комплектовался исключительно лицами дворянского сословия, а часть гвардейской кавалерии – и плутократией. Эта замкнутость поставила войска гвардии в очень тяжелое положение во время мировой войны, которая опустошила ее ряды. Страшный некомплект в офицерском составе гвардейской пехоты вызвал такое, например, уродливое явление: ряды ее временно пополняли офицерами-добровольцами гвардейской кавалерии, но не допускали армейских пехотных офицеров. Помню, когда в сентябре 1916 года, после жестоких боев на фронте Особой и 8 армий, генерал Каледин настоял на укомплектовании гвардейских полков несколькими выпусками юнкерских училищ, – офицеры эти, неся наравне с гвардейцами тяжелую боевую службу, явились в полках совершенно чужеродным элементом и не были допущены по-настоящему в полковую среду.

Нет сомнения, что гвардейские офицеры, за редкими исключениями, были монархистами *par excellence* и пронесли свою идею нерушимо через все перевороты, испытания, эволюции, борьбу, падение, большевизм и добровольчество. Иногда скрытно, иногда явно. Я не желаю ни возносить, ни хулить. Они – только члены своей касты, своего класса и разделяют с ним его пороки и достоинства. И если в минувшую

войну в гвардейских корпусах было больше крови, чем успеха, то виною этому отнюдь не офицерство, а крайне неудачные назначения старших начальников, проведенные в порядке придворного фаворитизма. Особенно ярко это сказалось на Стоходе. Офицерство же дралось и гибло с высоким мужеством. Но, наряду с доблестью, иногда – рыцарством, – в большинстве своем, в военной и гражданской жизни оно сохраняло кастовую нетерпимость, архаическую классовую отчужденность и глубокий консерватизм – иногда с признаками государственности, чаще же с сильным уклоном в сторону реакции.

В солдатской толще, вопреки сложившемуся убеждению, идея монархизма глубоких мистических корней не имела. Еще менее, конечно, эта малокультурная масса отдавала себе тогда отчет в других формах правления, проповедуемых социалистами разных оттенков. Известный консерватизм, привычка «испокон века», внушение церкви – все это создавало определенное отношение к существующему строю, как к чему-то вполне естественному и неизбежному.

В уме и сердце солдата идея монарха, если можно так выразиться, находилась в потенциальном состоянии, то подымаясь иногда до высокой экзальтации при непосредственном общении с царем (смотры, объезды, случайные обращения), то падая до безразличия.

Как бы то ни было, настроение армии являлось достаточно благоприятным и для идеи монархии, и для династии. Его

легко было поддержать.

Но в Петрограде, в Царском Селе ткалась липкая паутина грязи, распутства, преступлений. Правда, переплетенная с вымыслом, проникала в самые отдаленные уголки страны и армии, вызывая где боль, где злорадство. Члены Романовской династии не оберегли «идею», которую ортодоксальные монархисты хотели окружить ореолом величия, благородства и поклонения.

Война не изменила обстановки. Создание ненужных, дорого стоивших должностей для лиц императорской фамилии (Верховный санитарный инспектор, инспектор войск гвардии, походный атаман казачьих войск и т. д.), назначение их на строевые должности, на которых без надлежащей подготовки они или приносили вред, или служили игрушкой в руках штабов – все это было хорошо известно армии, комментировалось, осуждалось.

Маленькая деталь: войска чрезвычайно чутко относятся ко всякому проявлению внимания к ним, к признанию их заслуг. Ко мне в дивизию и в корпус четыре раза приезжали великие князья награждать от имени государя георгиевскими крестами. Эти приезды всегда вызывали подъем настроения и кончались полным разочарованием. После славного и тяжелого боя так много у всех накопилось переживаний, так хотелось поделиться своими горестями и радостями, хотелось по крайней мере, чтобы тот, кто приехал награждать, немножко поинтересовался жизнью, бытом, подвигами их...

В ответ – полное обидное безразличие: приехал, раздал и уехал, как будто исполняя скучную формальность...

Помню впечатление одного думского заседания, на которое я попал случайно.

Первый раз с думской трибуны раздалось предостерегающее слово Гучкова о Распутине:

– В стране нашей неблагополучно...

Думский зал, до тех пор шумный, затих, и каждое слово, тихо сказанное, отчетливо было слышно в отдаленных углах. Нависало что-то темное, катастрофическое над мерным ходом русской истории...

Я не стану копать в той грязи, которая покрыла и министерские палаты, и интимные царские покои, куда имел доступ грязный, циничный «возжигатель лампад», который «доспевал» министров, правителей и владык.

Рассказывали, что попытки Распутина попасть в Ставку вызвали угрозу Николая Николаевича повесить его. Так же резко отрицательно относился к нему Алексеев. Этим двум лицам мы обязаны всецело тем обстоятельством, что гибельное влияние Распутина не коснулось старой армии.

Всевозможные варианты по поводу распутинского влияния проникали на фронт, и цензура собирала на эту тему громадный материал даже в солдатских письмах из действующей армии.

Но наиболее потрясающее впечатление произвело роковое слово:

– Измена.

Оно относилось к императрице.

В армии громко, не стесняясь ни местом, ни временем, шли разговоры о настойчивом требовании императрицей сепаратного мира, о предательстве ее в отношении фельдмаршала Китченера, о поездке которого она, якобы, сообщила немцам, и т. д.

Переживая памятью минувшее, учитывая то впечатление, которое произвел в армии слух об измене императрицы, я считаю, что это обстоятельство сыграло огромную роль в настроении армии, в отношении ее и к династии, и к революции.

Генерал Алексеев, которому я задал этот мучительный вопрос весной 1917 года, ответил мне как-то неопределенно и нехотя:

– При разборе бумаг императрицы нашли у нее карту с подробным обозначением войск всего фронта, которая изготовлялась только в двух экземплярах – для меня и для государя. Это произвело на меня удручающее впечатление. Мало ли кто мог воспользоваться ею...

Больше ни слова. Переменил разговор...

История выяснит, несомненно, то исключительно отрицательное влияние, которое оказывала императрица Александра Федоровна на управление русским государством в период, предшествовавший революции. Что же касается вопроса об «измене», то этот злосчастный слух не был подтвер-

жден ни одним фактом, и впоследствии был опровергнут расследованием Специально назначенной Временным правительством комиссии Муравьева, с участием представителей от Совета р. и с. депутатов.

* * *

Наконец, третий устой – Отечество. Увы, затуманенные громом и треском привычных патриотических фраз, расточаемых без конца по всему лицу земли русской, мы проглядели внутренний органический недостаток русского народа: недостаток патриотизма.

Теперь незачем уже ломиться в открытую дверь, доказывая это положение. После Брест-Литовского договора, не вызвавшего сокрушительного народного гнева; после инертного отношения русского общества к отторжению окраин, даже русских по духу или крови, мало того – оправдания его; после польско-петлюровского договора и польско-советского мира; после распродажи русских территориальных и материальных ценностей международным политическим ростовщикам...

Нет сомнения, что явление распада русской государственности, известное под именем «самостийности», во многих случаях имело целью только отгородиться временно от того

бедлама, который представляет из себя «Советская республика». Но жизнь, к сожалению, не останавливается на практическом осуществлении такого, в своем роде санитарного, кордона, а поражает самую идею государственности. Даже в землях крепких, как, например, казачьи области. Правда – не в толще, а в верхах. Так, в Екатеринодаре в 1920 г. на Верховном круге трех казачьих войск, после горячего спора, из предложенной формулы присяги было изъято упоминание о России...

Или распятую Россию любить не стоит?

Какую же роль в сознании старой армии играл стимул «отечества»? Если верхи русской интеллигенции отдавали себе ясный отчет о причинах разгоравшегося мирового пожара – борьбы государств за гегемонию политическую и главным образом экономическую, за свободные пути, проходы, за рынки и колонии, борьбы, в которой России принадлежала роль лишь самозащиты, то средняя русская интеллигенция, в том числе и офицерство, удовлетворялись зачастую только поводами – более яркими, доступными и понятными. Войны не хотели, за исключением разве пылкой военной молодежи, жаждавшей подвига; верили, что власть примет все возможные меры к предотвращению столкновения; мало-помалу, однако, приходили к сознанию роковой неизбежности его; поводы были чужды какой-либо агрессивности или заинтересованности с нашей стороны, вызывали искреннее сочувствие к слабым, угнетаемым, находились в

полном соответствии с традиционной ролью России. Наконец, не мы, а на нас подняли меч... И потому, когда началась война, стих голос и тех, в которых таился страх, что уровень культуры и экономического состояния нашей страны не даст ей победы в борьбе с сильным и культурным противником. Войну приняли с большим подъемом, местами с энтузиазмом.

Офицерский корпус, как и большинство средней интеллигенции, не слишком интересовался сакраментальным вопросом о «целях войны». Война началась. Поражение принесло бы непомерные бедствия нашему отечеству во всех областях его жизни. Поражение повело бы к территориальным потерям, политическому упадку и экономическому рабству страны. Необходима победа. Все прочие вопросы уходили на задний план, могли быть спорными, перерешаться и видоизменяться. Это упрощенное, но полное глубокого жизненного смысла и национального самосознания отношение к войне не было понято левым крылом русской общественности и привело ее в Циммервальд и Киенталь. Неудивительно поэтому, что когда у анонимных и русских вождей революционной демократии перед сознательным разрушением ими армии в феврале 1917 года предстала дилемма:

– Спасение страны или революции?..

Они избрали последнее.

Еще менее идея национальной самозащиты была понята темным народом. Народ подымался на войну покорно, но без

всякого воодушевления и без ясного сознания необходимости великой жертвы. Его психология не подымалась до восприятия отвлеченных национальных догматов. «Вооруженный народ», каким была, по существу, армия, воодушевлялся победой, падал духом при поражении; плохо уяснял себе необходимость перехода Карпат, несколько больше – борьбу на Стыри и Припяти, но все же утешал себя надеждой:

– Мы Тамбовские, до нас немец не дойдет...

Мне приходится повторить эту довольно избитую фразу, ибо в ней глубокая психология русского человека.

Сообразно с таким преобладанием материальных ценностей в мировоззрении «вооруженного народа», в его сознание легче проникали упрощенные, реальные доводы за необходимость упорства в борьбе и достижения победы, за недопустимость поражения: чужая немецкая власть, разорение страны и хозяйств, тягость предстоящих в случае поражения податей и налогов, обесценение хлеба, проходящего через чужие проливы и т. д. Кроме того, было все же некоторое доверие к власти, что она делает то, что нужно. Тем более, что ближайшие представители этой власти – офицеры – шли рядом, даже впереди, и умирали так же безотказно и безропотно, по велению свыше или по внутреннему убеждению.

И солдаты шли мужественно на подвиг и на смерть. Потом, когда это доверие рухнуло, сознание солдатской массы затуманилось окончательно. Формулы «без аннексий и контрибуций», «самоопределение народов» и проч. оказались

более абстрактными и непонятными, чем старая отметаемая, заглохшая, но не вырванная из подсознания идея родины.

И для удержания солдат на фронте с подмостков, осененных красными флагами, слышались вновь и преимущественно знакомые мотивы материального порядка – немецкое рабство, разорение хозяйств, тяжесть налогов и т. д. Раздавались они уже из уст социалистов-оборонцев.

Итак, три начала, на которых покоился фундамент армии, были несколько подорваны.

Указывая на внутренние противоречия и духовные недочеты русской армии, я далек от желания поставить ее ниже других: они в той или иной степени свойственны всем народным армиям, получившим почти милиционный характер, и не мешали ни им, ни нам одерживать победы и продолжать войну. Но выяснение облика армии необходимо для уразумения ее последующих судеб.

Глава II. Состояние старой армии перед революцией

Огромное значение в истории развития русской армии имела японская война.

Горечь поражения, ясное сознание своей ужасной отсталости вызвали большой подъем среди военной молодежи и заставили понемногу или переменить направление, или уйти в сторону элемент устаревший и косный. Невзирая на пассивное противодействие ряда лиц, стоявших во главе военного министерства и генерального штаба – лиц неспособных, или донельзя безразлично и легкомысленно относившихся к интересам армии, работа кипела. В течение десяти лет русская армия, не достигнув, конечно, далеко идеалов, все же сделала огромные успехи. Можно сказать с уверенностью, что, не будь тяжкого манчжурского урока, Россия была бы раздавлена в первые же месяцы отечественной войны.

Но чистка командного состава шла все же слишком медленно. Наша мягкотелость («жаль человека», «надо его устроить»), протекционизм, влияния, наконец, слишком ригористически проводимая линия старшинства – засорили списки командующего генералитета вредным элементом.

Высшая аттестационная комиссия, собиравшаяся раз в год в Петрограде, почти никого из аттестуемых не знала...

Этими обстоятельствами объясняется ошибочность первоначальных назначений: пришлось впоследствии удалить четырех главнокомандующих (из них один, правда временный, оказался с параличом мозга...), нескольких командующих армиями, много командиров корпусов и начальников дивизий.

Генерал Брусилов в первые же дни сосредоточения 8-ой армии (июль 1914 г.) отрешил от командования трех начальников дивизий и корпусного командира.

Бездарности все же оставались на своих местах, губили и войска и операции. У того же Брусилова генерал Д., последовательно отрешаемый, переменял одну кавалерийскую и три пехотных дивизии, пока, наконец, не успокоился в немецком плену.

И обиднее всего, что вся армия знала несостоятельность многих из этих начальников и изумлялась их назначению...

Неудивительно поэтому, что стратегия за всю кампанию не отличалась ни особенным полетом, ни смелостью. Таковы операции Северо-западного фронта в Восточной Пруссии^[4], в частности – позорный маневр Рененкампа, таково упорное форсирование Карпат, о которые разбились войска Юго-западного фронта в 1915 году и, наконец, весеннее наступление наше 1916 года.

Последний эпизод настолько характерен для высшего ко-

⁴ Вызваны были, впрочем, исключительно желанием Ставки выручить французскую армию из отчаянного положения.

мандования и настолько серьезен по своим последствиям, что на нем следует остановиться.

Когда армии Юго-западного фронта в мае перешли в наступление, увенчавшееся огромным успехом – разгром нескольких австрийских армий, когда после взятия Луцка моя дивизия большими переходами шла к Владимир-Волынку, – я, да и все мы, считали, что в нашем маневре – вся идея наступления, что наш фронт наносит главный удар.

Впоследствии оказалось, что нанесение главного удара предназначено было Западному фронту, а армии Брусилова производили лишь демонстрацию. Штаб хорошо сохранил тайну. Там, в направлении на Вильну собраны были большие силы, небывалая еще у нас по количеству артиллерия и технические средства. Несколько месяцев войска готовили плацдармы для наступления. Наконец, все было готово, а успех южных армий, отвлекая внимание и резервы противника, сулил удачу и западным.

И вот, почти накануне предполагавшегося наступления между главнокомандующим Западным фронтом генералом Эвертом и начальником штаба Верховного главнокомандующего, генералом Алексеевым происходит исторический разговор по аппарату, сущность которого заключается приблизительно в следующем:

А. Обстановка требует немедленного решения. Вы готовы к наступлению, уверены в успехе?

Э. В успехе не уверен, позиции противника очень сильны.

Нашим войскам придется наступать на те позиции, на которых они терпели раньше неудачи...

А. В таком случае, сделайте немедленно распоряжение о переброске войск на Юго-западный фронт. Я доложу государю.

И операция, так долгожданная, с таким методическим упорством подготовлявшаяся, рухнула. Западные корпуса к нам опоздали. Наше наступление захлебнулось. Началась бессмысленная бойня на болотистых берегах Стохода, где, между прочим, прибывшая гвардия потеряла весь цвет своего состава.

А Восточный германский фронт переживал тогда дни смертельной тревоги: «это было критическое время; мы израсходовали все наши средства и мы хорошо знали, что никто не придет к нам на помощь, если русские пожелают нас атаковать»^[5].

Впрочем, и с Брусиловым случился однажды эпизод, мало распространенный и могущий послужить интересным дополнением к общеизвестной характеристике этого генерала – одного из главных деятелей кампании. После блестящей операции 8-ой армии, завершившейся переходом через Карпаты и вторжением в Венгрию, в декабре 1914 года наступил какой-то психологический надрыв в настроении командующего армией, ген. Брусилова: под влиянием частной неудачи одного из корпусов, он отдал приказ об общем отступ-

⁵ Людендорф. *Mes souvenirs de guerre.*

лении, и армия быстро покати́лась назад. Всюду мерещи-лись прорывы, окружения и налеты неприятельской конни-цы, угрожавшей, якобы, самому штабу армии. Дважды гене-рал Брусилов снимал свой штаб с необыкновенной поспеш-ностью, носившей характер панического бегства, уходя да-леко от войск и теряя с ними всякую связь.

Мы отходили изо дня в день, совершая большие, утоми-тельные марши, в полном недоумении: австрийцы не превос-ходили нас ни численно, ни морально и не слишком тесни-ли. Каждый день мои стрелки и соседние полки Корнилова переходили в короткие контратаки, брали много пленных и пулеметы.

Генерал-квартирмейстерская часть штаба армии недоуме-вала еще более. Ежедневные доклады ее о неосновательно-сти отступления сначала оставлялись Брусиловым без вни-мания, потом приводили его в гнев. Наконец, генеральный штаб обратился к иному способу воздействия: пригласили друга Брусилова – старика генерала Панчулидзева^[6] и вну-шили ему, что, если так пойдет дальше, то в армии может возникнуть мысль об измене, и дело окончится очень пе-чально...

Панчулидзе́в пошел к Брусилову. Между ними произошла потрясающая сцена, в результате которой Брусилова застали в слезах, а Панчулидзе́ва в глубоком обмороке. В тот же день был подписан приказ о наступлении, и армия с быстротой и

⁶ Начальник санитарной части армии.

легкостью двинулась вперед, гоня перед собой австрийцев, восстановив стратегическое положение и репутацию своего командующего.

Нужно сказать, что не только войска, но и начальники, получая редко и мало сведений о действиях на фронте, плохо разбирались в общих стратегических комбинациях. Войска же относились к ним критически только тогда, когда явно приходилось расплачиваться своею кровью. Так было в Карпатских горах, на Стоходе, во время второго Перемышля (весна 1917 года) и т. д.

Нет нужды прибавлять, что технические, профессиональные знания командного состава, в силу неправильной системы высших назначений и сильнейшего расслоения офицерского корпуса мобилизациями, не находились на должной высоте.

Наиболее угнетающее влияние на психику войск имело великое галицийское отступление и безрадостный ход войны (без побед) Северного и Западного фронтов, а затем нудное сидение их на опостылевших позициях в течение более года.

* * *

Об офицерском корпусе я уже говорил. Большие и малые недочеты его увеличивались по мере расслоения кадрового

состава. Не ожидали такой длительности кампании, и потому организация армии не берегла надлежаще ни офицерских, ни унтер-офицерских кадров, вливая их в ряды действующих частей все сразу в начале войны.

Я живо помню один разговор в период мобилизации, первоначально имевшей в виду одну Австрию, в квартире В. М. Драгомирова, одного из авторитетных генералов армии. Подали телеграмму: объявление войны Германией... Наступило серьезное молчание... Все сосредоточились, задумались.

– Как вы думаете, сколько времени будет продолжаться война? – спросил кто-то Драгомирова.

– Четыре месяца...

Роты выступали в поход иногда с 5–6 офицерами. Так как неизменно, при всех обстоятельствах кадровое офицерство (потом и большая часть прочих офицеров), в массе своей, служило личным примером доблести, бесстрашия и самоотвержения⁷, то, естественно, оно было в большинстве перебито. Так же нерасчетливо был использован другой прочный элемент – запасные унтер-офицеры, число которых в первый период войны на должностях простых рядовых достигало иногда до 50% состава роты.

Отношения между офицерами и солдатами старой армии не везде были построены на здоровых началах. Нельзя отри-

⁷ В этом отношении нельзя поставить упрека и большинству старшего командного состава. Личная храбрость, часто безрассудная, явление далеко не редкое.

цать известного отчуждения между ними, вызванного недостаточно внимательным отношением офицерства к духовным запросам солдатской жизни. Но, по мере постепенного падения кастовых и сословных перегородок, эти отношения заметно улучшались. Война сблизила офицера и солдата еще более, установив во многих, по преимуществу армейских частях, подлинное боевое братство. Здесь необходимо, однако, оговориться: на внешних отношениях лежала печать всеобщей русской некультурности, составлявшей свойство далеко не одних лишь народных масс, а и русской интеллигенции. Оттого, наряду с сердечным попечением, трогательной заботливостью о нуждах солдата, простотой и доступностью офицера, по целым месяцам лежавшего вместе с солдатом в мокрых, грязных окопах, евшего с ним из одного котла, и тихо, без жалоб ложившегося с ним в одну братскую могилу... наряду с этим были нередко грубость, ругня, иногда самодурство и заушения.

Несомненно, такого же рода взаимоотношения существовали и в самой солдатской среде, с тою лишь разницей, что свой брат взводный или фельдфебель бывал и грубее и жестче. Вся эта неприглядная сторона отношений, в связи с нудностью и бестолковостью казарменного режима и мелкими ограничениями внутренним уставом солдатского быта, – давала всегда обильную пищу для подпольных прокламаций, изображавших солдата «жертвой произвола золотопогонников».

Здоровой сущности не замечали: она умышленно затемнялась неприглядной внешностью.

А между тем, все мотивы обвинений, исходящих от начальников солдата, были хорошо известны. Они излагались в наводнивших армию в 1905 году листовках, повторялись заученными фразами на всех митингах, перепечатывались с некоторыми вариантами и в 1917 году. Кажется, кроме пресловутой формулы «без аннексий и контрибуций», солдатская революционная литература не обогатилась ни одним новым понятием. Если бы власть своевременно отнеслась внимательнее к психологии солдатской среды, изъяла из уставов все несущественные для сохранения дисциплины ограничения и некоторые смешные или казавшиеся унижительными требования, то потом не пришлось бы отменять их под давлением, не вовремя и в расширенных размерах.

Все эти обстоятельства имели тем большее значение, что закрепление внутренней связи во время войны и без того встречало большие затруднения: с течением времени, неся огромные потери и меняя 10–12 раз свой состав, войсковые части, по преимуществу пехотные, превращались в какие-то этапы, через которые текла непрерывно человеческая струя, задерживаясь недолго и не успевая приобщиться духовно к военным традициям части. Одной из причин сохранения относительной прочности артиллерии и отчасти других специальных родов оружия было то обстоятельство, что в них процент потерь в сравнении с пехотой составлял не более 1/20

– 1/10.

Два фактора имели несомненное значение в создании неблагоприятного настроения в войсках. По крайней мере, впоследствии, во время «словесной кампании» министров и военных начальников, солдатские ораторы очень часто касались этих двух тем: введенное с 1915 года официально дисциплинарное наказание розгами и смертная казнь – «палечникам». Насколько необходимость борьбы с дезертирством путем саморанения^[8] не возбуждала ни малейшего сомнения и требовала лишь более тщательного технического обследования для избежания возможных судебных ошибок, настолько же крайне нежелательным и опасным, независимо от этической стороны вопроса, являлось телесное наказание, применяемое властью начальника. Военные юристы не сумели разрешить иначе этого вопроса. Между тем, судебные уставы не обладают в военное время решительно никакими реальными способами репрессий, кроме смертной казни. Ибо для элемента преступного, праволишения не имеют никакого значения, а всякое наказание, сопряженное с уходом из рядов, является только поощрением. Революционная демократия этого вопроса также не разрешила.

Впрочем, после полной демократизации, после завоевания всех свобод и даже самостоятельности, войсковой круг Дон-

⁸ «Палечники» – явление нерусское. Наши солдаты выучились этому способу у австрийцев, которые первыми начали практиковать его массами еще летом 1914 года.

ского казачьего войска, весьма демократического состава, ввел в свою армию в 1919 году наказание розгами за ряд воинских преступлений.

Такова непонятная психология русского человека!

Значительно сложнее вопрос о взаимоотношениях во флоте. Сословные и кастовые перегородки, замкнутость офицерского корпуса, консерватизм и неподвижность уставных форм быта и взаимоотношений, большая отчужденность от матросской среды – все это не могло не повлиять впоследствии на значительно большую обостренность борьбы этих двух элементов. Кронштадт, Свеаборг, Гельсингфорс, Севастополь, Новороссийск – все эти кровавые этапы несчастного морского офицерства, нещадно избивавшегося, приводят в ужас и содрогание своим бессмысленным жестоким зверством, и, вместе с тем, требуют глубокого и внимательного изучения...

В конечном итоге, все эти обстоятельства создавали не совсем здоровую атмосферу в армии и флоте, и разъединяли, где в большей, где в меньшей степени, два их составных элемента. В этом несомненный грех и русского офицерства, разделяемый им всецело с русской интеллигенцией. Грех, вызвавший противоположение «барина» мужику, офицера – солдату и создавший впоследствии благоприятную почву для работы разрушительных сил.

В стране не было преобладания анархических элементов. В особенности, в армии, которая отражает в себе все недо-

статки и достоинства народа. Народ – крестьянская и казачья массы – страдал другими пороками: невежеством, инертностью и слабой волей к сопротивлению, к борьбе с порабощением, откуда бы оно ни исходило – от вековой традиционной власти или от внезапно появившихся псевдонимов. Не надо забывать, что наиболее яркий представитель чистого русского анархизма – Махно – недолго мог держаться на юге России своим первоначальным лозунгом: «долгой всякую власть, свободное соглашение между собой деревень и городов. Вся земля и все буржуйское добро – ваше»... Дважды разбитый, весной 1920 года он уже сам приступает к организации гражданского управления и произносит слово:

– Порядок.

Правда, лозунг этот не получил реального осуществления, но уже сама потребность в нем знаменательна.

В армии отнюдь не было преобладания анархических элементов. И потребовалось потрясение слегка подгнивших основ, целый ряд ошибок и преступлений новой власти, огромная работа сторонних влияний, чтобы инерция покоя перешла, наконец, в инерцию движения, кровавый призрак которого долго еще будет висеть над несчастной русской землей.

Сторонним разрушительным влияниям в армии не противопоставлялось разумное воспитание. Отчасти, по крайней мере, неподготовленности в политическом отношении офицерского корпуса, отчасти, вследствие инстинктивной боязни старого режима внести в казармы элементы «политики», хотя

бы с целью критики противогосударственных учений. Этот страх относился, впрочем, не только к социальным и внутренним проблемам русской жизни, но и к вопросам внешней политики. Так, например, незадолго до войны был издан высочайший приказ, строго воспрещавший воинским чинам где бы то ни было вести разговор на современную политическую тему (Балканский вопрос, австро-сербская распря и т. д.). Накануне неизбежно предстоявшей отечественной войны, старательно избегали возбуждения здорового патриотизма, разъяснения целей и задач войны, ознакомления со славянским вопросом и вековой борьбой нашей с германизмом.

Признаться, я, как и многие другие, не исполнил приказа и подготавливал соответственно настроение Архангелогородского полка, которым командовал. А в военной печати выступил против приказа с горячей статьей на тему: «Не угашайте духа».

Ибо для меня нет сомнений, что обвитая траурным флером статуя Страсбурга на площади Согласия сыграла огромную роль в воспитании героической армии Франции.

Пропаганда проникала и в старую армию с разных сторон. Нет сомнения, что судорожные потуги быстро сменявшихся правительств Горемыкина, Штюмерера, Трепова – остановить нормальный ход русской жизни – сами по себе давали достаточно материала, возбуждая все больше и больше нараставший народный гнев, переливавшийся и в армию; его

использовала социалистическая и пораженческая литература; Ленин нашел первоначальный путь в Россию своему учению через социал-демократическую фракцию Государственной Думы. Еще более интенсивно работали немцы. Об этих вопросах говорится подробно в главе XXIII.

Должен, однако, отметить, что вся эта пропаганда извне и изнутри, оказывая воздействие, главным образом, на тыловые части, гарнизоны и запасные батальоны крупных центров и в особенности Петрограда, до революции имела сравнительно небольшое влияние на войсковые части фронта. И сбитые с толку пополнения, придя на фронт и попадая в тяжелую, но более здоровую боевую атмосферу, зачастую быстро меняли к лучшему свой облик.

Тем не менее, местами влияние разрушительной пропаганды находило подготовленную почву, и до революции еще были один-два случая, когда целые части оказали неповиновение, сурово подавленное.

Наконец, перед главной массой армии – крестьянской – вставал один практический вопрос, который заставлял ее инстинктивно не торопиться с социальной революцией:

– Без нас поделят землю... Нет, уж когда вернемся, тогда и будем делить!..

Своего рода естественной пропагандой служило неустройство тыла и дикая вакханалия хищений, дороговизны, наживы и роскоши, создаваемая на костях и крови фронта. Но особенно тяжело отозвался на армии недостаток техники и, главным образом, боевых припасов.

Только в 1917 году процесс Сухомлинова вскрыл перед русским обществом и армией главные причины, вызвавшие военную катастрофу 1915 года. Еще в 1907 г. был разработан план пополнения запасов нашей армии и отпущены кредиты. Кредиты эти возрастали, как это ни странно, часто по инициативе комиссии государственной обороны, а не военного ведомства. Вообще же ни Государственная Дума, ни министерство финансов никогда не отказывали и не урезывали военных кредитов. В течение управления Сухомлинова, ведомство получило особый кредит в 450 миллионов рублей, и не израсходовало из них 300 миллионов! До войны вопрос о способах усиленного питания армии боевыми припасами, после израсходования запасов мирного времени, даже не подымался... Если действительно напряжение огневого боя с самого начала войны достигло неожиданных и небывалых размеров, опрокинув все теоретические расчеты и нашей, и западноевропейской военной науки, то тем более ге-

роические меры нужны были для выхода из трагического положения.

Между тем, уже к октябрю 1914 года иссякли запасы для вооружения пополнений, которые мы стали получать на фронте сначала вооруженными на 1/10, потом и вовсе без ружей. Главнокомандующий Юго-западным фронтом телеграфировал в Ставку: «источники пополнения боевых припасов иссякли совершенно. При отсутствии пополнения придется прекратить бой и выводить войска в самых тяжелых условиях»...

А в то же время (конец сентября) на вопрос Жофра «достаточно ли снабжена российская императорская армия артиллерийским снаряжением для беспрепятственного продолжения военных действий», военный министр Сухомлинов отвечал: «настоящее положение вещей относительно снаряжения российской армии не внушает серьезного опасения»... Иностраннх заказов не делалось; от японских и американских ружей, «для избежания неудобств от разнообразия калибров», отказывались.

Когда в августе 1917 года на скамью подсудимых сел виновник военной катастрофы, личность его произвела только жалкое впечатление. Гораздо серьезнее, болезненнее встал вопрос, как этот легкомысленный, невежественный в военном деле, быть может, сознательно преступный человек мог продержаться у кормила власти 6 лет. Какая среда военной бюрократии – «к добру и злу постыдно равнодушная»

– должна была окружать его, чтобы сделать возможным и действия и бездействия, шедшие неуклонно и методично ко вреду государства.

Катастрофа разразилась окончательно в 1915 году.

Весна 1915 г. останется у меня навсегда в памяти. Великая трагедия русской армии – отступление из Галиции. Ни патронов, ни снарядов. Изо дня в день кровавые бои, изо дня в день тяжкие переходы, бесконечная усталость – физическая и моральная; то робкие надежды, то беспросветная жуть...

Помню сражение под Перемышлем в середине мая. Одиннадцать дней жестокого боя 4-ой стрелковой дивизии... Одиннадцать дней страшного гула немецкой тяжелой артиллерии, буквально срывавшей целые ряды окопов вместе с защитниками их. Мы почти не отвечали – нечем. Полки, измотанные до последней степени, отбивали одну атаку за другой – штыками или стрельбой в упор; лилась кровь, ряды редели, росли могильные холмы... Два полка почти уничтожены – одним огнем...

Господа французы и англичане! Вы, достигшие невероятных высот техники, вам небезынтересно будет услышать такой нелепый факт из русской действительности:

Когда, после трехдневного молчания нашей единственной шестидюймовой батареи, ей подвезли пятьдесят снарядов, об этом сообщено было по телефону немедленно всем полкам, всем ротам, и все стрелки вздохнули с радостью и облегчением...

И какой тогда тяжелой, обидной иронией звучало для нас циркулярное послание Брусилова, в котором он, не имея возможности дать снаряды, с целью подбодрить, «поднять дух войск», убеждал нас не придавать такого исключительно-го значения преобладанию немецкой артиллерии, ибо были неоднократно случаи, что тяжелая артиллерия, выпустив по нашим участкам позиции огромное число снарядов, не наносила им почти никаких потерь...

21 марта генерал Янушкевич⁹ сообщил военному министру: «свершился факт очищения Перемышля. Брусилов ссылается на недостаток патронов – эту „bete-noire“ вашу и мою... Из всех армий вопль – дайте патронов»...

* * *

Я не склонен идеализировать нашу армию. Много горьких истин мне приходится высказывать о ней. Но когда фари-сеи – вожди российской революционной демократии, пытаясь оправдать учиненный главным образом их руками развал армии, уверяют, что она и без того близка была к разложению, – они лгут.

Я не отрицаю крупных недостатков в системе назначений

⁹ Начальник штаба Верх. Главнок. вел. кн. Николая Николаевича. В 1918 г. убит большевиками.

и комплектовании высшего командного состава, ошибок нашей стратегии, тактики и организации, технической отсталости нашей армии, несовершенства офицерского корпуса, невежества солдатской среды, пороков казармы. Знаю размеры дезертирства и уклонения от военной службы, в чем повинна наша интеллигенция едва ли не больше, чем темный народ. Но ведь не эти серьезные болезни армейского организма привлекали впоследствии особое внимание революционной демократии. Она не умела и не могла ничего сделать для их уврачевания, да и не боролась с ними вовсе. Я, по крайней мере, не знаю ни одной больной стороны армейской жизни, которую она исцелила бы, или, по крайней мере, за которую взялась бы серьезно и практически. Пресловутое «раскрепощение» личности солдата? Отбрасывая все преувеличения, связанные с этим понятием, можно сказать, что самый факт революции внес известную переменную в отношения между офицером и солдатом, и это явление обещало при нормальных условиях, без грубого и злонамеренного вмешательства извне, претвориться в источник большой моральной силы, а не в зияющую пропасть. Но революционная демократия в эту именно рану влила яд. Она поражала беспощадно самую сущность военного строя, его вечные, неизменные основы, оставшиеся еще непоколебленными: дисциплину, единоначалие и аполитичность. Это было, и этого не стало. А между тем, падение старой власти как будто открывало новые широчайшие горизонты для оздоровления

и поднятия в моральном, командном, техническом отношениях народной русской армии.

Каков народ, такова и армия. И, как бы то ни было, старая русская армия, страдая пороками русского народа, вместе с тем в своей преобладающей массе обладала его достоинствами и прежде всего необычайным долготерпением в перенесении ужасов войны; дралась безропотно почти 3 года; часто шла с голыми руками против убийственной высокой техники врагов, проявляя высокое мужество и самоотвержение; и своей обильной кровью^[10] искупала грехи верховной власти, правительства, народа и свои.

Наши союзники не смеют забывать ни на минуту, что к середине января 1917 года эта армия удерживала на своем фронте 187 вражеских дивизий, т. е., 49% всех сил противника, действовавших на европейских и азиатских фронтах. Старая русская армия заключала в себе достаточно еще сил, чтобы продолжать войну и одержать победу.

¹⁰ Французский депутат Люи Мартэн исчисляет потери армий одними убитыми следующими цифрами (в миллионах): Россия – 2,5, Германия – 2, Австрия – 1,5, Франция – 1,4, Англия – 0,8, Италия – 0,6 миллионов и т. д. На долю России приходится 40% мариолога всех союзных армий.

Глава III. Старая армия и государь

В августе 1915 года государь, под влиянием кругов императрицы и Распутина, решил принять на себя верховное командование армией. Этому предшествовали безрезультатные представления восьми министров и некоторых политических деятелей, предостерегавших государя от опасного шага. Официальными мотивами выставлялись с одной стороны трудность совмещения работы управления и командования, с другой – риск брать на себя ответственность за армию в тяжкий период ее неудач и отступления. Но истинной побудительной причиной этих представлений был страх, что отсутствие знаний и опыта у нового Верховного главнокомандующего осложнит и без того трудное положение армии, а немецко-распутинское окружение, вызвавшее паралич правительства и разрыв его с Государственной Думой и страной, поведет к разложению армии.

Ходила, между прочим, молва, впоследствии оправдавшаяся, что решение государя вызвано отчасти и боязнью кругов императрицы перед все более возраставшей, невзирая на неудачи армии, популярностью великого князя Николая Николаевича...

23 августа армии и флоту был отдан приказ, в котором после официального текста государь собственноручно написал:

С твердою верою в милость Божию и с непоколебимою уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской.

Николай.

Этот значительный по существу акт не произвел в армии большого впечатления. Генералитет и офицерство отдавало себе ясный отчет в том, что личное участие государя в командовании будет лишь внешнее, и потому всех интересовал более вопрос:

– Кто будет начальником штаба?

Назначение генерала Алексеева успокоило офицерство.

Что касается солдатской массы, то она не вникала в технику управления, для нее царь и раньше был верховным вождем армии и ее смущало несколько одно лишь обстоятельство: издавна в народе укоренилось убеждение, что царь несчастлив...

Фактически в командование вооруженными силами России вступил генерал Михаил Васильевич Алексеев. На фоне русской военной истории и русской смуты фигура генерала Алексеева занимает такое большое место, что нельзя в кратких словах очертить его значение. Для этого необходимо специальное историческое исследование жизненного пу-

ти человека, вызвавшего различное отношение – и положительное, и отрицательное – к своей военной и политической деятельности, но никогда не давшего повода сомневаться в том, что «крестный путь его озарен кристаллической честностью и горячей любовью к Родине – и великой, и растоптанной»^[11]...

Не всегда достаточно твердый в проведении своих требований, в вопросе о независимости Ставки от сторонних влияний Алексеев проявил гражданское мужество, которого так не хватало жадно державшимся за власть сановникам старого режима.

Однажды, после официального обеда в Могилеве, императрица взяла под руку Алексеева и, гуляя с ним по саду, завела разговор о Распутине.

Несколько волнуясь, она горячо убеждала Михаила Васильевича, что он не прав в своих отношениях к Распутину, что «старец – чудный и святой человек», что на него клеветают, что он горячо привязан к их семье, а главное, что его посещение Ставки принесет счастье...

Алексеев сухо ответил, что для него это вопрос – давно решенный. И что, если Распутин появится в Ставке, он немедленно оставит пост начальника штаба.

– Это ваше окончательное решение?

– Да, несомненно.

Императрица резко оборвала разговор и ушла, не про-

¹¹ Слова из приказа по Добровольческой армии.

стившись с Алексеевым.

Этот разговор, по словам Михаила Васильевича, повлиял на ухудшение отношений к нему государя. Вопреки установившемуся мнению, отношения эти, по внешним проявлениям не оставлявшие желать ничего лучшего, не носили характера ни интимной близости, ни дружбы, ни даже исключительного доверия.

Государь никого не любил, разве только сына. В этом был трагизм его жизни – человека и правителя.

Несколько раз, когда Михаил Васильевич, удрученный нараставшим народным неудовольствием против режима и трона, пытался выйти из рамок военного доклада и представить царю истинное освещение событий, когда касался вопроса о Распутине и об ответственном министерстве, он встречал хорошо знакомый многим непроницаемый взгляд и сухой ответ.

– Я это знаю.

Больше ни слова.

Но в вопросах управления армией государь всецело доверялся Алексееву, выслушивая долгие, слишком, быть может, обстоятельные доклады его. Выслушивал терпеливо и внимательно, хотя, по-видимому, эта область не захватывала его. Некоторое расхождение случалось лишь в вопросах второстепенных – о назначениях приближенных, о создании им должностей и т. п.

Полное безучастие государя в вопросах высшей стратегии

определилось для меня совершенно ясно после прочтения одного важного акта – записи суждений военного совета, собранного в Ставке в конце 1916 г. под председательством государя из всех главнокомандующих и высших чинов Ставки, для обсуждения плана кампании 1917 года и общего наступления.

Подробная запись каждой произнесенной фразы создавала впечатление о властности и руководящей роли временного заместителя начальника штаба – генерала Гурко, о несколько эгоистических устремлениях главнокомандующих, пригонявших стратегические аксиомы к специальным интересам своего фронта и, наконец... о полном безучастии Верховного главнокомандующего.

Такие же взаимоотношения между государем и начальником штаба существовали во время исполнения последней должности генералом Гурко. Алексеев осенью 1916 г. тяжело заболел и лечился в Севастополе, не прекращая, однако, связи со Ставкой, с которой он сносился по прямому проводу.

* * *

Между тем, борьба Государственной Думы (прогрессивного блока) с правительством, находившая несомненно сочувствие у Алексеева и у командного состава, принимала все

более резкие формы. Запрещенный для печати отчет о заседании 1-го ноября 1916-го г.^[12], с историческими речами Шульгина, Милюкова и др. в рукописном виде распространен был повсеместно в армии. Настроение настолько созрело, что подобные рукописи не таились уже под спудом, а читались и резко обсуждались в офицерских собраниях.

– Я был крайне поражен, – говорил мне один видный социалист и деятель городского союза, побывав впервые в армии в 1916 г. – с какой свободой всюду, в воинских частях, в офицерских собраниях, в присутствии командиров, в штабах и т. д. говорят о негодности правительства, о придворной грязи. Это в нашей стране – «слова и дела»!.. Вначале мне казалось, что меня просто провоцируют...

Связь Думы с офицерством существовала давно. Работа комиссии государственной обороны в период воссоздания флота и реорганизации армии после японской войны протекла при деятельном негласном участии офицерской молодежи. А. И. Гучков образовал кружок, в состав которого вошли Савич, Крупенский, граф Бобринский и представители офицерства, во главе с генералом Гурко. По-видимому к кружку примыкал и генерал Поливанов, сыгравший впоследствии такую крупную роль в развале армии (Поливановская комиссия). Там не было ни малейшего стремления к «потрясению основ», а лишь желание подтолкнуть тяжелый бюрократический воз, дать импульс работе и инициативу инерт-

¹² Появился в газетах в урезанном виде только в начале января 1917 года.

ным военным управлениям.

По словам Гучкова, кружок работал совершенно открыто, и военное ведомство первое время снабжало его даже материалами. Но затем отношение Сухомлинова круто изменилось, кружок был взят под подозрение, пошли разговоры о «младотурках»...

Как бы то ни было, осведомленность комиссии государственной обороны была очень большая. Генерал Лукомский, бывший начальником мобилизационного отдела, потом помощником военного министра, рассказывал мне, как серьезно надо было готовиться к докладам и какое жалкое впечатление производил во время своих редких выступлений легкомысленный и несведущий министр Сухомлинов, терзаемый со всех сторон членами комиссии...

Во время процесса сам Сухомлинов рассказал эпизод, как однажды он явился в заседание комиссии, в которой рассматривались два больших военных вопроса и как его остановил Родзянко:

– Уходите, уходите... Вы для нас красное сукно: как только вы приезжаете, дела ваши проваливаются.

После галицийского отступления Государственной Думе удалось, наконец, добиться постоянного участия своих членов в деле правильной постановки военных заказов, а земским и городским союзам – образования «главного комитета по снабжению армий».

Кровавый опыт привел, наконец, к простой идее моби-

лизации русской промышленности. И дело, вырвавшееся из мертвящей обстановки военных канцелярий, пошло широким ходом. По официальным данным на армию посылалось в июле 1915 г. по 33 парка вместо затребованных 50-ти, а в сентябре, благодаря привлечению к работе частных заводов – 78. Я по непосредственному опыту, а не только по цифрам имею полное основание утверждать, что уже к концу 1916 г. армия наша, не достигнув, конечно, тех высоких норм, которые практиковались в армиях союзников, обладала все же вполне достаточными боевыми средствами, чтобы начать планомерную и широкую операцию на всем своем фронте.

Это обстоятельство также было учтено надлежаще в войсках, укрепляя доверие к Государственной Думе и общественным организациям.

Но в области внутренней политики положение не улучшалось. И к началу 1917 г. крайне напряженная атмосфера политической борьбы выдвинула новое средство:

– Переворот!

* * *

В Севастополь к больному Алексееву приехали представители некоторых думских и общественных кругов. Они со-

вершенно откровенно заявили, что назревает переворот. Как отнесется к этому страна, они знают. Но какое впечатление произведет переворот на фронте, они учесть не могут. Просили совета.

Алексеев в самой категорической форме указал на недопустимость каких бы то ни было государственных потрясений во время войны, на смертельную угрозу фронту, который по его пессимистическому определению «итак не слишком прочно держится», и просил во имя сохранения армии не делать этого шага.

Представители уехали, обещав принять меры к предотвращению готовившегося переворота.

Не знаю, какие данные имел Михаил Васильевич, но он уверял впоследствии, что те же представители вслед за ним посетили Брусилова и Рузского и, получив от них ответ противоположного свойства, изменили свое первоначальное решение: подготовка переворота продолжалась.

Пока трудно выяснить детали этого дела. Участники молчат, материалов нет, а все дело велось в глубокой тайне, не проникая в широкие армейские круги. Тем не менее, некоторые обстоятельства стали известны.

Целый ряд лиц обращались к государю с предостережением о грозившей опасности стране и династии, в том числе Алексеев, Гурко, протопресвитер Шавельский, Пуришкевич, великие князья Николай и Александр Михайловичи и сама вдовствующая императрица.

После приезда в армию, осенью 1916 года, председателя Государственной Думы Родзянко, у нас распространилось письмо его к государю; оно предостерегало царя о той огромной опасности, которая угрожает трону и династии, благодаря гибельному участию в управлении государством Александры Феодоровны.

Одно из подобных «вмешательств» Родзянки вызвало высочайший выговор, переданный письменно председателю Государственной Думы по приказанию государя генералом Алексеевым. Это обстоятельство, между прочим, весьма существенно отразилось на последующих отношениях этих двух государственных деятелей.

Великий князь Николай Михайлович в своем письме, прочтенном государю 1 ноября, после указания на недопустимость сделавшегося известным «всем слоям общества» порядка назначений министров при посредстве ужасной среды, окружающей императрицу, говорит:

«...Если бы Тебе удалось устранить это постоянное вторгательство темных сил, сразу началось бы возрождение России и вернулось бы утраченное Тобою доверие громадного большинства Твоих подданных... Когда время настанет, а оно уже не за горами, Ты сам с высоты престола можешь даровать желанную ответственность перед Тобою и законодательными учреждениями. Это делается просто, само собой, без напора извне и не так, как совершился достопамятный

акт 17 октября 1905 г. Я долго колебался открыть Тебе истину, но после того, что Твоя матушка и Твои обе сестры меня убедили это сделать, я решился. Ты находишься накануне эры новых волнений, скажу больше, новых покушений. Поверь мне, если я так напираю на Твое собственное освобождение от создавшихся оков, то я это делаю не из личных побуждений... а только ради надежды спасти Тебя, Твой престол и нашу дорогую родину от самых тяжких и непоправимых последствий».

Но никакие представления не действовали. В состав образовавшихся кружков входили некоторые члены правых и либеральных кругов Государственной Думы, прогрессивно-го блока, члены императорской фамилии и офицерство. Активным действиям должно было предшествовать последнее обращение к государю одного из великих князей... В случае неуспеха, в первой половине марта предполагалось вооруженной силой остановить императорский поезд во время следования его из Ставки в Петроград. Далее должно было последовать предложение государю отречься от престола, а в случае несогласия, физическое его устранение. Наследником предполагался законный правопреемник Алексей и регентом Михаил Александрович.

В то же время большая группа прогрессивного блока, земских и городских деятелей, причастная или осведомленная о целях кружка, имела ряд заседаний для выяснения вопро-

са «какую роль должна сыграть после переворота Государственная Дума»^[13]. Тогда же был намечен и первый состав кабинета, причем выбор главы его, после обсуждения кандидатур М. Родзянко и князя Львова, остановился на последнем.

Но судьба распорядилась иначе.

Раньше предполагавшегося переворота началась, по определению Альбера Тома, «самая солнечная, самая праздничная, самая бескровная русская революция»...

¹³ Миллюков. «История 2-ой русской революции».

Глава IV. Революция в Петрограде

С событиями в Петрограде и Ставке я ознакомился только впоследствии. Для последовательности изложения коснусь их вкратце. В телеграмме царю членов государственного совета в ночь на 28 февраля – положение определялось следующим образом:

«Вследствие полного расстройтва транспорта и отсутствия подвоза необходимых материалов, остановились заводы и фабрики. Вынужденная безработица и крайнее обострение продовольственного кризиса, вызванного тем же расстройством транспорта, довели народные массы до полного отчаяния. Это чувство еще обострилось той ненавистью к правительству и теми тяжкими подозрениями против власти, которые глубоко запали в народную душу.

Все это вылилось в народную смуту стихийной силы, а к этому движению присоединяются теперь и войска. Правительство, никогда не пользовавшееся доверием в России, окончательно дискредитировано и совершенно бессильно справиться с грозным положением»...

Находившая благоприятную почву в общих условиях жизни страны подготовка к революции прямо или косвенно ве-

лась давно. В ней приняли участие самые разнородные элементы: германское правительство, не жалевшее средств на социалистическую и пораженческую пропаганду в России, в особенности среди петроградских рабочих; социалистические партии, организовавшие свои ячейки среди рабочих и воинских частей; несомненно и протопоповское министерство, как говорили, провоцировавшее уличное выступление, чтобы вооруженной силой подавить его и тем разрядить невыносимо сгущенную атмосферу. Как будто все силы – по диаметрально противоположным побуждениям, разными путями, различными средствами шли к одной конечной цели...

Вместе с тем, прогрессивный блок и общественные организации, учитывая неизбежность больших событий, начали готовиться к ним, а некоторые круги, идейно или персонально близкие к указанным организациям, как я уже говорил, приступили к подготовке дворцового переворота, как последнего средства предотвратить надвигающуюся революцию.

Тем не менее, восстание все же вспыхнуло стихийно, застав всех врасплох. В исполнительном комитете Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов впоследствии, около 10 марта^[14] видными членами его по частному поводу были даны разъяснения, что «восстание солдат произошло независимо от рабочих, с которыми солдаты еще накануне

¹⁴ При посещении его генералом Корниловым.

переворота никакой связи не имели» и что «восстание подготовлено не было, почему и не оказалось соответствующего органа управления».

Что касается думских и общественных кругов, то они подготовлены были к перевороту, а не к революции и в ее бушующем пламени не могли сохранить душевное равновесие и холодный расчет.

Первые вспышки начались 23 февраля, когда толпы народа загрохотали улицы, собирались митинги, и ораторы призывали к борьбе против ненавистной власти. Так продолжалось до 26-го, когда народное движение приняло грандиозные размеры, и начались кровавые столкновения с полицией, с применением ею пулеметов.

26-го получен был указ об отсрочке сессии Государственной Думы, а 27-го утром в заседании Думы решено было не разъезжаться из Петрограда...

Между тем, в тот же день утром обстановка в корне изменилась, так как на сторону восставших перешли запасные батальоны Литовского, Волынского, Преображенского и саперного гвардейских полков. Именно запасные батальоны, так как настоящие гвардейские полки находились тогда на Юго-западном фронте. Эти батальоны не отличались ни дисциплиной, ни настроением от прочих имперских запасных частей.

Командный состав многих частей растерялся, не решил сразу основной линии своего поведения, и эта двойствен-

ность послужила отчасти причиной устранения его влияния и власти.

Войска вышли на улицу без офицеров, слились с толпой и восприняли ее психологию.

Вооруженная толпа, возбужденная до последней степени, опьяненная свободой, подогреваемая уличными ораторами, текла по улицам, сметая баррикады, присоединяя к себе все новые толпы еще колебавшихся...

Беспощадно избивались полицейские отряды. Встречавшихся офицеров обезоруживали, иногда убивали. Вооруженный народ овладел арсеналом, Петропавловской крепостью, Крестами (тюрьма)...

В этот решительный день вождей не было, была одна стихия. В ее грозном течении не виделось тогда ни цели, ни плана, ни лозунгов. Единственным общим выражением настроения был клич: – Да здравствует свобода!

Кто-то должен был овладеть движением. И после горячих споров, после проявления некоторой растерянности и нерешительности эту роль приняла на себя Государственная Дума, выделив из своей среды «Комитет Государственной Думы»^[15], который в таких осторожных выражениях объявил 27 февраля о существовании своего назначения:

¹⁵ М. В. Родзянко. Н. В. Некрасов. А. И. Коновалов. И. И. Дмитрюков. А. Ф. Керенский. В. В. Шульгин. С. И. Шидловский. П. Н. Милюков. М. А. Караулов. В. Н. Львов. В. А. Ржевский. М. С. Чхеидзе, который отказался, предпочитая председательствовать в совете рабочих депутатов. Потом вступил Б. Энгельгардт.

«Временный комитет членов Государственной Думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка... Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием».

Центром политической жизни страны стала Дума, которая, несомненно, к тому времени, после патриотической и национальной борьбы ее против ненавистного народу правительства, после большой и плодотворной работы в интересах армии, пользовалась широким признанием во всей стране и армии. Никто другой не мог стать во главе движения. Никто другой не мог получить такое доверие страны и такое быстрое и полное признание верховной властью, как власть, исходившая из недр Государственной Думы. Это обстоятельство отлично было учтено Петроградским советом рабочих депутатов, который тогда еще не претендовал на официальное возглавление российского правительства. Такое отношение тогда к Государственной Думе породило иллюзию «всенародности» Временного правительства, ею созданного.

Поэтому, наряду с частями, смешавшимися с вооружен-

ной толпой и громившими все, что слишком резко напоминало старую власть, наряду с отрядами, оставшимися ей верными и оказавшими сопротивление, к Таврическому дворцу стали подходить войсковые части с командирами и офицерами, с музыкой и знаменами, и по всем правилам старого ритуала приветствовали новую власть в лице председателя Государственной Думы Родзянко.

Таврический дворец представлял из себя необыкновенную картину: законодатели, сановники, солдаты, рабочие, женщины... Палата, военный бивак, тюрьма, штаб, министерства... Сюда стекалось все, искавшее защиты и спасения, жаждавшее руководства и ответа на вставшие вдруг недоуменные вопросы...

Но в тот же день 27 февраля из стен Таврического дворца вышло объявление:

«Граждане! Заседающие в Государственной Думе представители рабочих, солдат и населения Петрограда объявляют, что первое заседание их представителей состоится сегодня в 7 час. вечера в помещении Государственной Думы. Всем перешедшим на сторону народа войскам немедленно избрать своих представителей по одному на каждую роту. Заводам избрать своих депутатов по одному на каждую тысячу. Заводы, имеющие менее тысячи рабочих, избирают по одному депутату»...

Этот факт имел чрезвычайное и роковое влияние на весь ход последующих событий: 1) создал параллельно Временному правительству орган неофициальной, но, несомненно, более сильной власти Совета рабочих и солдатских депутатов, борьба с которым оказалась не под силу правительству; 2) придал политическому перевороту и буржуазной революции организованные формы и характер революции социальной, которая была немыслима при современном состоянии страны и не могла пройти без страшных потрясений в период тяжелой внешней войны; 3) установил тесную связь между тяготевшим к большевизму и пораженчеству Советом и армией, что внесло в нее постоянный бродящий фермент, приведший к разложению.

И когда войска стройными рядами, с командирами и офицерами, дефилировали мимо Таврического дворца, это была лишь показная внешность. Связь между офицерством и солдатами была уже в корне нарушена, дисциплина подорвана, и с тех пор войска петроградского округа до последних своих дней представляли опричнину, тяготившую своей грубой и темной силой над Временным правительством. Впоследствии все усилия Гучкова, Корнилова и Ставки повлиять на них или вывести на фронт остались тщетными, встречая резкое сопротивление Совета.

Временами среди войсковых частей вспыхивало вновь сильное брожение, иногда форменный военный бунт. Чле-

ны Думы разъезжали по казармам успокаивать войска. Попытка Гучкова совместно с ген. Потаповым и князем Вяземским водворить порядок в Измайловском полку завершилась печально: измайловцы и петроградцы открыли огонь, кн. Вяземский был смертельно ранен, а спутники его пробивались с большим трудом. По свидетельству Потапова, бывшего председателя военной комиссии, ведавшей внешней обороной Петрограда, к 3-му марта полки пришли в полное расстройство. «Только 176 полк сохранял еще порядок и занял Царскосельский вокзал; Балтийский же и Варшавский вокзалы и впередилежащие позиции, в ожидании подходивших с фронта эшелонов, были заняты почти исключительно офицерскими командами. Те же офицеры пробивались навстречу направленным войскам и смело среди них разъясняли происходившие события, чем много содействовали общему успеху и предотвратили кровопролитие».

Фактически к Петрограду подходили, главным образом по собственной инициативе, войсковые части из его окрестностей, вливавшиеся затем в состав гарнизона.

Офицерство несомненно переживало тяжелую драму, став между верностью присяге, недоверием и враждебностью солдат, – и велением целесообразности. Часть офицеров, очень небольшая, оказала вооруженное противодействие восстанию и в большинстве погибла, часть уклонилась от фактического участия в событиях, но большая часть в рядах полков, сохранивших относительный порядок, в лице

Государственной Думы искала разрешения вопросов мятущейся совести.

Большое собрание офицеров, находившихся в Петрограде, 1 марта вынесло постановление: «идя рука об руку с народом... признавая, что для победоносного окончания войны необходима скорейшая организация порядка и дружная работа в тылу, единогласно постановили признать власть исполнительного комитета Государственной Думы впредь до созыва Учредительного Собрания».

* * *

Безудержная вакханалия, какой-то садизм власти, который проявляли сменявшиеся один за другим правители распутинского назначения, к началу 1917 года привели к тому, что в государстве не было ни одной политической партии, ни одного сословия, ни одного класса, на которое могло бы опереться царское правительство. Врагом народа его считали все: Пуришкевич и Чхеидзе, объединенное дворянство и рабочие группы, великие князья и сколько-нибудь образованные солдаты.

В мои намерения не входит исследование деятельности правительства, приведшей к революции, и борьбы его с народом и представительными учреждениями. Я суммирую

лишь те обвинения, которые справедливо предъявлены были ему накануне падения Государственной Думой.

Все государственные, сословные и общественные учреждения – Государственный Совет, Государственная Дума, дворянство, земство, городское самоуправление и объединение – были взяты под подозрение в неблагонадежности, и правительство вело с ними формальную борьбу, парализуя всякую их государственную и общественную работу.

Бесправие и сыск доведены были до небывалой еще степени. Русский независимый суд подчинен был «требованиям политического момента».

В то время, как в союзных странах вся общественность приняла горячее участие в работе на оборону страны, у нас эта помощь презрительно отверглась, и работа велась неумелыми, иногда преступными руками, вызвав фатальные явления сухомлиновщины и протопоповщины. Военно-промышленный комитет, оказавший делу снабжения армии большие услуги, систематически разрушался. Незадолго до революции рабочая группа его была без причины арестована, что едва не вызвало кровавых беспорядков в столице.

Правительственными мероприятиями, при отсутствии общественной организации, расстраивалась промышленная жизнь страны, транспорт, исчезало топливо. Правительство оказалось бессильно и неумело в борьбе с этой разрухой, одной из причин которой были, несомненно, и эгоистические, иногда хищнические устремления торгово-промыш-

ленников.

Деревня была обездолена. Ряд тяжелых мобилизаций без каких-либо льгот и изъятий, которые предоставлялись другим классам, работавшим на оборону, отняли у нее рабочие руки. А неустойчивость твердых цен, с поправками, внесенными в пользу крупного землевладения – в начале, и затем злоупотребление в системе разверстки хлебной повинности, при отсутствии товарообмена с городом, привели к прекращению подвоза хлеба, голоду в городе и репрессиям в деревне.

Служилый класс, вследствие огромного поднятия цен и необеспеченности, бедствовал и роптал.

Назначения министров поражали своей неожиданностью и казались издевательством. Страна устами Государственной Думы и лучших людей требовала ответственного министерства. Этот минимум политических чаяний русского общества еще утром 27 февраля считался Государственной Думой достаточным, чтобы задержать «последний час, когда решалась судьба Родины и династии»^[16]...

Общественная мысль и печать были задушены. Широко раздвинувшая пределы своего ведения военная цензура внутренних округов (в том числе Московского и Петроградского) была неуязвимой, скрываясь за военное положение, в котором находились эти округа, и за статьи 93 и 441 положения о полевом управлении войск, в силу которых от коман-

¹⁶ Телеграмма Родзянко Государю.

дующих и главнокомандующих «никакое правительственное место, учреждение или лицо в империи не могут требовать отчетов». Общая цензура не уступала в удушении. В одном из заседаний Думы обсуждался такой поразительный факт. Когда в феврале 1917 года, не без участия немецкой руки, начало распространяться по заводам забастовочное движение, члены рабочей группы военно-промышленного комитета составили воззвание:

«Товарищи рабочие Петрограда! Считаем своим долгом обратиться к вам с настоящим предложением немедленно приступить к работам. Рабочий класс, в сознании своей ответственности переживаемого момента, не должен ослаблять своих сил затягиванием забастовки. Интересы рабочего класса зовут вас к станкам».

Это воззвание, невзирая на обращение Гучкова^[17] к министру внутренних дел и к главному цензору, дважды было снято с печатных станков и пропущено не было...

Если в государственной деятельности павшего правительства в области хозяйственно-экономической – подлежит исследованию и выяснению вопрос, что должно быть отнесено за счет деятелей и системы, и что за счет непреодолимых условий потрясенного мировой войной организма страны, то

¹⁷ Председатель комитета.

удушение совести, мысли, духа народного и общественной инициативы – не найдет оправдания.

Неудивительно поэтому, что Москва и провинция присоединились почти без борьбы к перевороту. Вне Петрограда, где, за многими исключениями, не было той жути от кровавых столкновений и бесчинства опьянелой толпы, переворот был встречен еще с большим удовлетворением, даже ликованием. И не только революционной демократией, но и просто демократией, буржуазией и служилым элементом. Небывалое оживление, тысячные толпы народа, возбужденные лица, возбужденные речи, радость освобождения от висевшего над всеми тяжелого маразма, светлые надежды на будущее России и, наконец, повисшее в воздухе, воспроизводимое в речи, в начертаниях, в образах, музыке, пении, волнуемое – тогда еще не забрызганное пошлостью, грязью и кровью – слово:

– Свобода!

«Эта революция – единственная в своем роде» – писал князь *Евгений Трубецкой*. – Бывали революции буржуазные, бывали и пролетарские, но революции национальной в таком широком значении слова, как нынешняя, русская, доселе не было на свете. Все участвовали в этой революции, все ее делали – и пролетариат и войска, и буржуазия, даже дворянство... все вообще живые общественные силы страны... Только

бы это объединение сохранилось»...

В этих словах отразились чаяния и тревоги русской интеллигенции, но не печальная русская действительность. И кровавые бунты в Гельсингфорсе, Кронштадте, Ревеле, гибель адмирала Непенина и многих офицеров служили первым предостережением для оптимистов...

* * *

Жертвы первых дней революции в столице были невелики: регистрация Всероссийского союза городов определила их для Петрограда общим числом убитых и раненых в 1 443, в том числе воинских чинов 869 (офицеров 60). Конечно, много раненых избегло учета.

Однако, положение Петрограда, выбитого из колеи, насыщенного горючим материалом и вооруженными людьми, долго еще было крайне неопределенным и напряженным.

От членов Государственной Думы и правительства впоследствии я слышал, что весы сильно колебались, и они все время чувствовали себя сидящими на бочке с порохом, который ежеминутно мог вспыхнуть и уничтожить их всех и создаваемое ими государственное здание.

Товарищ председателя Совета р. и с. д., Скобелев гово-

рил журналистам: «должен сознаться, что когда я в начале революции вышел на крыльцо Таврического дворца, чтобы встретить кучку солдат, пришедших первыми в Государственную Думу, и обратился к ним с речью, я был почти убежден, что я говорю одну из своих последних речей, что пройдет несколько дней и я буду расстрелян или повешен».

А несколько офицеров – участников событий уверяли меня, что растерянность и всеобщее непонимание положения в столице были так велики, что один твердый батальон, во главе с начальником, понимающим чего он хочет, мог повернуть вверх дном всю обстановку.

Как бы то ни было, 2 марта Временный комитет членов Государственной Думы объявил о создании Временного правительства^[18], которое, после длительных переговоров с параллельным органом «демократической власти» – Советом рабочих депутатов, издало декларацию:

1) «Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям, аграрным преступлениям и т. д.

2) Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек, с распространением политических свобод на военнотружущих в пределах, допускаемых военнотехническими условиями.

¹⁸ Князь Львов, Милюков, Гучков, Коновалов, Мануилов, Терещенко, Львов, Шингарев, Годнев, Керенский.

3) Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

4) Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего равного, прямого и тайного голосования Учредительного Собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

5) Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

6) Выборы в органы местного самоуправления на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

7) Не разоружение и не вывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении.

8) При сохранении воинской дисциплины в строю и при несении военной службы – устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам.

Временное правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления по осуществлению вышеизложенных реформ и мероприятий».

Эта декларация носила слишком явные следы давления «параллельной» власти. Последняя, в свою очередь, изда-

ла воззвание, в котором, между прочим, говорилось: «...в той мере, в какой зарождающаяся власть будет действовать в направлении осуществления этих обязательств и решительной борьбы со старой властью, демократия должна оказать ей свою поддержку», и далее: «ради успеха революционной борьбы, надо проявить терпимость и забвение несущественных проступков против демократии тех офицеров, которые присоединились к той решительной и окончательной борьбе, которую вы ведете со старым режимом».

Как известно, той же демократической властью накануне был издан приказ № 1.

«Я часто мечтал об этой революции, которая должна была облегчить тяготы нашей войны – говорит Людендорф^[19]. Вечная химера! Но сегодня мечта вдруг исполнилась непредвиденно. Я почувствовал, что с меня спала очень большая тяжесть. Но я не мог предположить, что она станет могилой для нашего могущества».

Важнейший деятель Германии – страны, так много поработавшей для отравления души русского народа, пришел к позднему сознанию, что «наше моральное падение началось с началом русской революции»...

¹⁹ «Mes souvenirs de Guerre».

Глава V. Революция и царская семья

Государь – одинокий, без семьи, без близких, не имея возле себя ни одного человека, которому мог или хотел довериться, переживал свою тяжелую драму в старом губернаторском доме в Могилеве.

Вначале Протопопов и правительство представляли положение серьезным, но не угрожающим: народные волнения, которые надо подавить «решительными мерами». Несколько сот пулеметов были предоставлены в распоряжение командовавшего войсками петроградского округа генерала Хабалова; ему и председателю совета министров, князю Голицину, расширены значительно права в области подавления беспорядков; наконец, утром 27 с небольшим отрядом двинут генерал Иванов, с секретными полномочиями – полноты военной и гражданской власти, о которой он должен был объявить по занятии Царского села. Трудно себе представить более неподходящее лицо для выполнения поручения столь огромной важности – по существу – военной диктатуры. Дряхлый старик, честный солдат, плохо разбиравшийся в политической обстановке, не обладавший уже ни силами, ни энергией, ни волей, ни суровостью... Вероятно вспомнили удачное усмирение им Кронштадта в 1906 году.

Просматривая впоследствии последние донесения Хабалова и Беляева^[20], я убедился в полной их растерянности, малодушии и боязни ответственности.

Тучи сгущались.

26 февраля императрица телеграфировала государю: «Я очень встревожена положением в городе»... В этот же день Родзянко прислал историческую телеграмму: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца». Эта телеграмма послана была Родзянко и всем главнокомандующим, с просьбой поддержать его.

27-го утром председатель Думы обратился к государю с новой телеграммой: «Положение ухудшается, надо принять немедленно меры, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии».

Трудно думать, что и в этот день государь не отдавал себе ясного отчета о катастрофическом положении; вернее, он – слабовольный и нерешительный человек – искал малейшего предлога, чтобы отдалить час решения, фаталистически

²⁰ Военный министр.

предоставляя судьбе творить неведомую волю...

Во всяком случае, новое внушительное представление генерала Алексеева, поддержанное ответными телеграммами главнокомандующих на призыв Родзянко, не имело успеха, и государь, обеспокоенный участием своей семьи, утром 28 февраля поехал в Царское село, не приняв никакого определенного решения по вопросу об уступках русскому народу.

Генерал Алексеев – этот мудрый и честный патриот – не обладал достаточной твердостью, властностью и влиянием, чтобы заставить государя решиться на тот шаг, необходимость которого сознавалась тогда даже императрицей, телеграфировавшей 27-го: «уступки необходимы».

Два дня бесцельной поездки. Два дня без надлежащей связи, осведомленности о нараставших и изменявшихся ежеминутно событиях... Императорский поезд, следуя кружным путем, распоряжением из Петрограда дальше Вишеры пропущен не был и, после получения ряда сведений о признании гарнизоном Петрограда власти Временного комитета Государственной Думы, о присоединении к революции царскосельских войск, – государь велел повернуть на Псков.

Вечером 1 марта в Пскове. Разговор с генералом Рузским; государь ознакомился с положением, но решения не принял. Только в 2 часа ночи 2-го, вызвав Рузского вновь, он вручил ему указ об ответственном министерстве. «Я знал, что этот компромисс запоздал, – рассказывал Рузский корреспонденту

ту, – но я не имел права высказать свое мнение, не получив указаний от исполнительного комитета Государственной Думы, и предложил переговорить с Родзянко»^[21].

Всю ночь телеграфные провода передавали разговоры, полные жуткого, глубокого интереса, и решавшие судьбы страны: Рузский с Родзянко и Алексеевым, Ставка с главнокомандующими, Лукомский^[22] – с Даниловым^[23].

Во всех – ясно сознаваемая неизбежность отречения.

Утром 2-го Рузский представил государю мнения Родзянко и военных вождей. Император выслушал совершенно спокойно, не меняя выражения своего как будто застывшего лица; в 3 часа дня он заявил Рузскому, что акт отречения в пользу своего сына им уже подписан^[24] и передал телеграмму об отречении.

Если верить в закономерность общего исторического процесса, то все же приходится задуматься над фаталистическим влиянием случайных эпизодов – обыщенно-житейских, простых и предотвратимых. Тридцать минут, протекавшие вслед за сим, изменили в корне ход событий: не успели разослать телеграмму, как пришло сообщение, что в Псков едут делегаты Комитета Государственной Думы, Гучков и Шульгин... Этого обстоятельства, доложенного Рузским го-

²¹ Chessin. La revolution russe.

²² Генерал-квартирмейстер штаба Верховного Главнокомандующего.

²³ Начальник штаба Северного фронта (Рузского).

²⁴ Акт был составлен в Ставке и прислан государю.

сударю, было достаточно, чтобы он вновь отложил решение и задержал опубликование акта.

Вечером прибыли делегаты.

Среди глубокого молчания присутствующих^[25], Гучков нарисовал картину той бездны, к которой подошла страна, и указал на единственный выход – отречение.

– Я вчера и сегодня целый день обдумывал и принял решение отречься от престола, – ответил государь. – До 3 часов дня я готов был пойти на отречение в пользу моего сына, но затем я понял, что расстаться со своим сыном я неспособен. Вы это, надеюсь, поймете? Поэтому я решил отречься в пользу моего брата.

Делегаты, застигнутые врасплох такой неожиданной постановкой вопроса, не протестовали. Гучков – по мотивам сердца – «не чувствуя себя в силах вмешиваться в отцовские чувства и считая невозможным в этой области какое-нибудь давление»^[26]. Шульгин – по мотивам политическим: «быть может, в душе маленького царя будут расти недобрые чувства по отношению к людям, разлучившим его с отцом и матерью; кроме того, большой вопрос, может ли регент принести присягу на верность конституции за малолетнего императора!..»

«Чувства» маленького царя – это был вопрос отдаленного будущего. Что касается юридических обоснований, то са-

²⁵ Фредерикс, Нарышкин, Рузский, Гучков, Шульгин.

²⁶ Рассказ В. В. Шульгина.

мо существо революции отрицает юридическую законность ее последствий; слишком шатко было юридическое обоснование всех трех актов: вынужденного отречения императора Николая II, отказа его от наследственных прав за несовершеннолетнего сына и, наконец, впоследствии – передача верховной власти Михаилом Александровичем – лицом, не воспринявшим ее, – Временному правительству, путем подписания акта, в котором великий князь «просил» всех российских граждан подчиниться этому правительству.

Неудивительно, что «в общем сознании современников этого первого момента, – как говорит Милюков, – новая власть, созданная революцией, вела свое преемство не от актов 2 и 3 марта, а от событий 27 февраля»...

Я могу прибавить, что и впоследствии в сознании многих лиц высшего командного состава, ставивших на первый план спасение родины, в этом вопросе соображения юридического, партийно-политического и династического характера не играли никакой роли. Это обстоятельство имеет большое значение для уяснения многих последующих явлений.

Около 12 час. ночи на 3 марта, после некоторых поправок, государь вручил делегатам и Рузскому два экземпляра манифеста об отречении.

«В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое

тяжкое испытание. Начавшиеся народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее нашего дорогого отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца.

Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками может окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России сочли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной Думой признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расставаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему, великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол государства Российского.

Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои ими будут установлены, принеся в том ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины.

Призываю всех верных сынов отечества к исполнению своего святого долга перед ним — повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных

испытаний, и помочь ему вместе с представителями народа вывести государство Российское на путь победы, благоденствия и славы.

Да поможет Господь Бог России. Николай».

Поздно ночью поезд уносил отрекшегося императора в Могилев. Мертвая тишина, опущенные шторы и тяжкие, тяжкие думы. Никто никогда не узнает, какие чувства бо-ролись в душе Николая II – отца, монарха и просто человека, когда в Могилеве, при свидании с Алексеевым, он, глядя на него усталыми, ласковыми глазами, как-то нерешительно сказал:

– Я передумал. Прошу вас послать эту телеграмму в Петроград.

На листке бумаги отчетливым почерком государь писал собственноручно о своем согласии на вступление на престол сына своего Алексея...

Алексеев унес телеграмму и... не послал. Было слишком поздно: стране и армии объявили уже два манифеста.

Телеграмму эту Алексеев, «чтобы не смущать умы», никому не показывал, держал в своем бумажнике и передал мне в конце мая, оставляя верховное командование. Этот интересный для будущих биографов Николая II документ хранился затем в секретном пакете в генерал-квартирмейстерской части Ставки.

Между тем, около полудня 3 марта у великого князя Михаила Александровича, который с 27 февраля не имел связи со Ставкой и государем, собрались члены правительства и Временного комитета^[27]. В сущности вопрос был предрешен и тем настроением, которое царило в Совете рабочих депутатов по получении известия о манифесте, и вынесенной исполнительным комитетом Совета резолюцией протеста, доведенной до сведения правительства, и непримиримой позицией Керенского, и общим соотношением сил: кроме Милюкова и Гучкова – все прочие лица, «отнюдь не имея никакого намерения оказывать на великого князя какое-либо давление», в страстных тонах советовали ему отречься. Милюков предостерегал, что «сильная власть... нуждается в опоре привычного для масс символа», что «Временное правительство – одно – может потонуть в океане народных волнений и до Учредительного собрания не доживет»^[28]...

Переговорив еще раз с председателем Государственной Думы Родзянко, великий князь заявил о своем окончательном решении отречься.

²⁷ Князь Львов, Милюков, Керенский, Некрасов, Терещенко, Годнев, Львов, Гучков, Родзянко, Шульгин, Ефремов, Караулов.

²⁸ Милюков. «История второй русской революции».

В тот же день обнародовано «заявление» великого князя Михаила Александровича:

«Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне императорский всероссийский престол в годину беспримерной войны и волнений народа.

Одушевленный со всем народом мыслью, что выше всего благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского.

Призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.

Михаил».

После отречения великий князь поселился возле Гатчины, не принимал решительно никакого участия в политической жизни страны и жил там до середины марта 1918 г., ко-

гда по инициативе местного большевистского комитета был арестован, препровожден в Петроград и затем вскоре сослан в Пермскую губернию.

Первоначально ходили слухи, что около половины июля 1918 года ему, вместе с преданным секретарем-англичанином, удалось бежать от большевиков; с тех пор об участи его никто ничего определенного не знает. Все розыски, произведенные органами Южного и Сибирского правительств и по инициативе вдовствующей императрицы не привели к достоверным результатам. Точно также со стороны большевиков не было дано никаких официальных разъяснений. Позднейшие исследования, однако, заставляют думать, что «освобождение» явилось провокацией, великий князь увезен был тайно большевиками, убит недалеко от Перми, и тело его спущено под лед.

Эта таинственность исчезновения великого князя родила много легенд и вызвала даже появление в Сибири самозванцев. Летом 1918 года, ко времени первых успехов Сибирской армии распространился широко по советской России и Югу слух о том, что сибирские войска ведет против большевиков великий князь Михаил Александрович. Газеты печатали его манифест. Периодически эти слухи и печатание апокрифических манифестов в провинциальной печати, преимущественно крайней правой, возобновлялись даже в 20-м году (в Крыму).

Нужно заметить, впрочем, что когда летом 1918 года ки-

евские монархисты вели сильную кампанию за придание антибольшевистскому военному движению монархического характера, они отказались от легитимного принципа, как по некоторым соображениям персонального свойства кандидатов, так – в отношении Михаила Александровича – и потому, что он «связал себя» торжественным обещанием перед Учредительным Собранием.

Учитывая всю создавшуюся к марту 1917 года обстановку, я прихожу к убеждению, что борьба за оставление власти в руках императора Николая II вызвала бы анархию, падение фронта и окончилась бы неблагоприятно и для него, и для страны; поддержка регентства Михаила Александровича была бы проведена с некоторой борьбой, но без потрясений и с безусловным успехом. Несколько труднее, и все же возможным представлялось утверждение на престоле Михаила Александровича, при условии введения им широкой конституции.

И члены Временного правительства и Временного комитета, за исключением Милюкова и Гучкова, терроризованные Советом рабочих депутатов и переоценивая силу и значение возбужденной солдатской и рабочей массы Петрограда, взяли на себя большую историческую ответственность – убедить великого князя отказаться от немедленного восприятия верховной власти.

Дело не в монархизме и не в династии. Это – вопросы совершенно второстепенные. Я говорю только о России.

Трудно, конечно, сказать, насколько прочна и длительна была бы эта власть, какие метаморфозы испытала бы она впоследствии, но, если бы только на время войны она спасла от распада армию, весь ход дальнейшей истории русской державы мог бы стать на путь эволюции и избавиться от тех небывалых потрясений, которые ныне ставят вопрос о дальнейшем ее существовании.

* * *

7 марта Временное правительство постановило «признать отрекшегося императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село». Выполнение этого постановления в отношении императрицы возложено было на генерала Корнилова, что впоследствии не могли ему простить ортодоксальные монархисты. Как странно: Александра Федоровна после объявления ей об аресте, высказала удовлетворение, что это было сделано славным генералом Корниловым, а не кем-либо из членов нового правительства...

В отношении государя, исполнение правительственного распоряжения возложено было на четырех членов Государственной Думы.

8 марта, простившись со Ставкой, государь уехал из Мо-

гилева, при гробовом молчании собравшегося на вокзале народа; в последний раз его провожали полные горячих слез глаза матери.

Чтобы понять казавшееся странным отношение правительства к государевой семье во время пребывания ее и в Царском Селе, и в Тобольске, нужно напомнить следующее обстоятельство: невзирая на то, что за все 7 с половиной месяцев власти Временного правительства не было ни одной серьезной попытки к освобождению арестованных, они пользовались исключительным вниманием Совета рабочих и солдатских депутатов; и в заседании Совета 10 марта товарищ председателя Соколов при полном одобрении собрания докладывал: «вчера стало известным, что Временное правительство изъявило согласие на отъезд Николая II в Англию и даже вступило об этом в переговоры с британскими властями без согласия и без ведома исполнительного комитета совета рабочих депутатов. Мы мобилизовали все находящиеся под нашим влиянием воинские части и поставили дело так, чтобы Николай II фактически не мог уехать из Царского Села без нашего согласия. По линиям железных дорог были разосланы соответствующие телеграммы... задержать поезд с Николаем II, буде таковой уедет... Мы командировали своих комиссаров... отрядив соответствующее количество воинской силы с броневыми автомобилями, и окружили Александровский дворец плотным кольцом. Затем мы вступили в переговоры с Временным правительством, которое

санкционировало все наши мероприятия. В настоящее время бывший царь находится не только под надзором Временного правительства, но и нашим надзором»...

1 августа 1917 года царская семья была отправлена в Тобольск, а после утверждения в Сибири советской власти император с семьей был перевезен в Екатеринбург, и там, подвергаясь невероятному глумлению черни, мучениями и смертью своею и своей семьи^[29] – заплатил за все вольные и невольные прегрешения против русского народа.

Когда во время второго Кубанского похода, на станции Тихорецкой, получив известие о смерти императора, я приказал Добровольческой армии отслужить панихиды, этот факт вызвал жестокое осуждение в демократических кругах и печати...

Забыли мудрое слово: «мне отмщение и аз воздам»...

²⁹ Убийство произошло в ночь с 16 на 17 июля 1918 года.

Глава VI. Революция и армия. – Приказ № 1

События застали меня далеко от столицы, в Румынии, где я командовал 8-м армейским корпусом. Оторванные от родины, мы, если и чувствовали известную напряженность политической атмосферы, то не были подготовлены вовсе ни к такой неожиданно скорой развязке, ни к тем формам, которые она приняла.

Фронт был поглощен своими частными интересами и заботами. Готовились к зимнему наступлению, которое вызвало совершенно отрицательное отношение к себе у всего командного состава нашей 4-ой армии; употребляли все усилия, чтобы ослабить до некоторой хотя бы степени ту ужасную хозяйственную разруху, которую создали нам румынские пути сообщения. Где-то, в Новороссии, на нашей базе всего было достаточно, но до нас ничего не доходило. Лошади дохли от бескормицы, люди мерзли без сапог и теплого белья, и заболели тысячами; из нетопленных румынских вагонов, не приспособленных под больных и раненых, вынимали окоченелые трупы и складывали, как дрова, на станционных платформах. Молва катилась, преувеличивая отдельные эпизоды, волновала, искала виновных...

Местами, в особенности на фронте 9-ой армии, на высо-

ких горах, в жестокую стужу, в холодных землянках по неделям жили на позиции люди – замерзавшие, полуголодные; с огромным трудом по козьим тропам доставляли им хлеб и консервы.

Потом с большим трудом жизнь как будто немного наладилась. Во всяком случае, едва ли когда-нибудь в течение отечественной войны, войскам приходилось жить в таких тяжелых условиях, как на Румынском фронте зимою 1916–17 года. Я подчеркиваю это обстоятельство, принимая во внимание, что войска Румынского фронта сохранили большую боеспособность и развалились впоследствии позже всех. Этот факт свидетельствует, что со времен Суворовского швейцарского похода и Севастополя не изменилась необыкновенная выносливость русской армии, что тяжесть боевой жизни не имела значения в вопросе о моральном ее состоянии и что растление шло в строгой последовательности от центра (Петрограда) к перифериям.

Утром 3-го марта мне подали телеграмму из штаба армии «для личного сведения» о том, что в Петрограде вспыхнуло восстание, что власть перешла к Государственной Думе, и что ожидается опубликование важных государственных актов. Через несколько часов телеграф передал и манифесты императора Николая II и великого князя Михаила Александровича. Сначала было приказано распространить их, потом, к немалому моему смущению (телефоны разнесли уже весть), задержать, потом, наконец, – снова распростра-

нить. Эти колебания, по-видимому, были вызваны переговорами Временного комитета Государственной Думы и штаба Северного фронта о задержке опубликования актов, ввиду неожиданного изменения государем основной их идеи: наследование престола не Алексеем Николаевичем, а Михаилом Александровичем. Задержать, однако, уже не удалось.

Войска были ошеломлены – трудно определить другим словом первое впечатление, которое произвело опубликование манифестов. Ни радости, ни горя. Тихое, сосредоточенное молчание. Так встретили полки 14-ой и 15-й дивизий весть об отречении своего императора. И только местами в строю произвольно колыхались ружья, взятые на караул, и по щекам старых солдат катились слезы...

Спустя некоторое время, когда улеглось первое впечатление, я два раза собирал старших начальников обеих дивизий, с целью выяснить настроение войск, и беседовал с частями. Эти доклады, личные впечатления, донесения соседних корпусов, которые я читал потом в штабе армии, дают мне возможность оценить объективно это настроение. Главным образом, конечно, офицерской среды, ибо солдатская масса – слишком темная, чтобы разобраться в событиях, и слишком инертная, чтобы тотчас реагировать на них – тогда не вполне еще определилась.

Чтобы передать точно тогдашнее настроение, не преломленное сквозь призму времени, я приведу выдержки из своего письма к близким от 8 марта :

«Перевернулась страница истории. Первое впечатление ошеломляющее, благодаря своей полной неожиданности и грандиозности. Но в общем, войска отнеслись ко всем событиям совершенно спокойно. Высказываются осторожно, но в настроении массы можно уловить совершенно определенные течения:

1) Возврат к прежнему немислим.

2) Страна получит государственное устройство, достойное великого народа: вероятно, конституционную ограниченную монархию.

3) Конец немецкому засилию, и победное продолжение войны».

Отречение государя сочли неизбежным следствием всей нашей внутренней политики последних лет. Но никакого озлобления лично против него и против царской семьи не было. Все было прощено и забыто. Наоборот, все интересовались их судьбой и опасались за нее.

Назначение Верховным главнокомандующим Николая Николаевича и его начальником штаба генерала Алексева было встречено и в офицерской и в солдатской среде вполне благоприятно.

Интересовались, будет ли армия представлена в Учредительном Собрании.

К составу Временного правительства отнеслись довольно безучастно, к назначению военным министром штатского человека – отрицательно, и только участие его в работах по

государственной обороне и близость к офицерским кругам сглаживали впечатление.

Многим кажется удивительным и непонятным тот факт, что крушение векового монархического строя не вызвало среди армии, воспитанной в его традициях, не только борьбы, но даже отдельных вспышек. Что армия не создала своей Вандеи...

Мне известны только три эпизода резкого протеста: движение отряда генерала Иванова на Царское Село, организованное Ставкой в первые дни волнений в Петрограде, выполненное весьма неумело и вскоре отмененное, и две телеграммы, посланные государю командирами 3-го конного и гвардейского конного корпусов, графом Келлером^[30] и ханом Нахичеванским. Оба они предлагали себя и свои войска в распоряжение государя для подавления «мятежа»...

Было бы ошибочно думать, что армия являлась вполне подготовленной для восприятия временной «демократической республики», что в ней не было «верных частей» и «верных начальников», которые решились бы вступить в борьбу. Несомненно, были. Но сдерживающим началом для всех их являлись два обстоятельства: первое – видимая легальность обоих актов отречения, причем второй из них, призывая подчиниться Временному правительству, «облеченному всей полнотой власти», выбивал из рук монархистов всякое оружие, и второе – боязнь междоусобной войной

³⁰ Убит в Киеве в 1918 году петлюровцами.

открыть фронт. Армия тогда была послушна своим вождям. А они – генерал Алексеев, все главнокомандующие – признали новую власть. Вновь назначенный Верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, в первом приказе своем говорил: «Установлена власть в лице нового правительства. Для пользы нашей родины я, Верховный главнокомандующий, признал ее, показав тем пример нашего воинского долга. Повелеваю всем чинам славной нашей армии и флота неуклонно повиноваться установленному правительству через своих прямых начальников. Только тогда Бог нам даст победу».

* * *

Время шло.

От частей корпуса стало поступать ко мне множество крупных и мелких недоуменных вопросов:

Кто же у нас представляет верховную власть: Временный комитет, создавший Временное правительство, или это последнее? Запросил, не получил ответа. Само Временное правительство, по-видимому, не отдавало себе ясного отчета о существовании своей власти.

Кого поминать на богослужении?

Петь ли народный гимн и «спаси Господи люди Твоя»?..

Эти кажущиеся мелочи вносили, однако, некоторое смущение в умы и нарушали установившийся военный обиход. Начальники просили скорее установить присягу. Был и такой вопрос: имел ли право император Николай Александрович отказаться от прав престолонаследия за своего несовершеннолетнего сына?..

Скоро, однако, другие вопросы стали занимать войска: получен был первый приказ военного министра Гучкова, с изменениями устава внутренней службы в пользу «демократизации армии»^[31]. Этим приказом, на первый взгляд довольно безобидным, отменялось титулование офицеров, обращение к солдатам на «ты» и целый ряд мелких ограничений, установленных для солдат уставом – воспрещение курения на улицах и в других общественных местах, посещения клубов и собраний, игры в карты и т. д.

Последствия были совершенно неожиданные для лиц, не знавших солдатской психологии. Строевые же начальники понимали, что, если необходимо устранить некоторые отжившие формы, то делать это надо исподволь, осторожно, а главное, отнюдь не придавая этому характера «завоеваний революции»... Солдатская масса, не вдумавшись нисколько в смысл этих мелких изменений устава, приняла их просто, как освобождение от стеснительного регламента службы, быта и чинопочитания.

– Свобода, и кончено!

³¹ От 5 марта.

Впоследствии военному министру, в приказе 24 марта, пришлось разъяснять такие, например, положения: «воинским чинам предоставлено право свободного посещения, наравне со всеми гражданами, всех общественных мест, театров, собраний, концертов и проч., а также и право проезда по железным дорогам в вагонах всех классов. Однако, право свободы посещения этих мест отнюдь не означает права бесплатного пользования ими, как то, по-видимому, понято некоторыми солдатами»...

Нарушение дисциплины и неуважительное отношение к начальникам усилились. В частях, и особенно в тыловых, начала сильно развиваться карточная игра с дурными последствиями для солдат, имевших на руках казенные деньги или причастных к хозяйству. Командовавший 4-ой армией для прекращения этого явления принял весьма демократическую меру, запретив на время войны карточную игру всем – генералам, офицерам и солдатам. Временное правительство только 22 августа 1917 года, обеспокоенное последствиями этого, казалось, мелкого изменения устава в пользу демократизации, сочло себя вынужденным особым постановлением «воспретить военнослужащим на театре военных действий, а также в казармах, дворах, военных помещениях и вне театра войны – всякую игру в карты».

Но если все эти мелкие изменения устава, распространительно толкуемые солдатами, отражались только в большей или меньшей степени на воинской дисциплине, то разре-

ние военным лицам во время войны и революции «участвовать в качестве членов в различных союзах и обществах, образуемых с политической целью»... представляло уже угрозу самому существованию армии.

Ставка, обеспокоенная этим обстоятельством, прибегнула тогда к небывалому еще в армии способу плебисцита: всем начальникам, до командира полка включительно, предложено было высказаться по поводу новых приказов в телеграммах, адресованных непосредственно военному министру. Я не знаю, справился ли телеграф со своей задачей, достигла ли назначения эта огромная масса телеграмм, но все те, которые стали мне известны, были полны осуждения, во всех сквозил страх за будущее армии.

А в то же время Военный совет, состоявший из старших генералов – якобы хранителей опыта и традиции армии – в Петрограде, в заседании своем 10 марта постановил доложить Временному правительству:

«...Военный совет считает своим долгом засвидетельствовать полную свою солидарность с теми энергичными мерами, которые Временное правительство принимает в отношении реформ наших вооруженных сил, соответственно новому укладу жизни в государстве и армии, в убеждении, что эти реформы наилучшим образом будут способствовать скорейшей победе нашего оружия и освобождению Европы от гнета прусского милитаризма».

Я не могу после этого не войти в положение штатского

военного министра.

Нам трудно было понять, какими мотивами руководствовало военное министерство, издавая свои приказы. Мы не знали тогда о безудержном оппортунизме лиц, окружавших военного министра, о том, что Временное правительство находится в плену у Совета рабочих и солдатских депутатов и вступило с ним на путь соглашательства, являясь всегда страдательной стороной^[32].

* * *

1-го марта Советом рабочих и солдатских депутатов был отдан приказ № 1, приведший к переходу фактической военной власти к солдатским комитетам, к выборному началу и смене солдатами начальников, – приказ, имеющий такую широкую и печальную известность и давший первый и главный толчок к развалу армии.

³² На съезде советов (30 марта) Церетелли признал, что в контактной комиссии не было случая, чтобы в важных вопросах Временное правительство не шло на соглашение.

ПРИКАЗ № 1.

1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградского округа, всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота – для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда – для сведения.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов постановил:

1) Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота – немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2) Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет Рабочих Депутатов, избрать по одному представителю от рот, – которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной Думы к 10 часам утра, 2-го сего марта.

3) Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и своим комитетам.

4) Приказы военной комиссии Государственной Думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета

Рабочих и Солдатских Депутатов.

5) Всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее, – должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в каком случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.

6) В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане.

В частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется.

7) Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п., и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов, и в частности, обращение к ним на «ты», воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

*Петроградский Совет
Рабочих и Солдатских Депутатов.*

Генерал Монкевиц уверяет, что приказ такого же содержания он читал в 1905 году в Красноярске, изданный советом депутатов 3-го железнодорожного батальона^[33]. Несомненно приказ этот – штамп социалистической мысли, не поднявшейся до понимания законов бытия армии или, вернее, наоборот – сознательно ниспровергавшей их. Редактирование приказа приписывают присяжному поверенному Н. Д. Соколову, который извлек, якобы, образец его из своего архива, как бывший защитник по делу совета 1905 года. Генерал Потапов называет имена составителей приказа № 2, дополнившего первый, в предположении, что та же комиссия редактировала и № 1^[34].

Милюков упоминает о том, будто 4 марта решено было расклеить заявление Керенского и Чхеидзе, что приказ № 1 не исходит от Совета рабочих и солдатских депутатов. Такое заявление не попало ни в печать, ни на фронт и совершенно не соответствовало бы истине, ибо выпуск приказа Советом не подлежит никакому сомнению и подтверждается его руководителями.

Результаты приказа № 1 отлично были поняты вождями революционной демократии. Говорят, что Керенский впоследствии патетически заявлял, что отдал бы десять лет жизни, чтобы приказ не был подписан... Произведенное воен-

³³ Монкевиц. La decomposition de l'armee russe.

³⁴ Соколов, Доброницкий, Борисов, Кудрявцев, Филипповский, Падергин, Заас, Чекалин, Кремков.

ными властями расследование «не обнаружило» авторов его. Чхеидзе и прочие столпы Совета рабочих и солдатских депутатов впоследствии отвергли участие свое личное и членов комитета в редактировании приказа.

Пилаты! Они умывали руки, отвергая начертание своего же символа веры. Ибо в отчете о секретном заседании правительства, главнокомандующих и исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов 4 мая 1917 года записаны их слова^[35].

Церетелли: «Вам, может быть, был бы понятен приказ № 1, если бы вы знали обстановку, в которой он был издан. Перед нами была неорганизованная толпа, и ее надо было организовать»...

Скобелев: «Я считаю необходимым разъяснить ту обстановку, при которой был издан приказ № 1. В войсках, которые свергли старый режим, командный состав не присоединился к восставшим и, чтобы лишить его значения, мы были вынуждены издать приказ № 1. У нас была скрытая тревога, как отнесется к революции фронт. Отдаваемые распоряжения внушали опасения. Сегодня мы убедились, что основания для этого были».

Еще более искренним был Иосиф Гольденберг, член Совета рабочих и солдатских депутатов и редактор «Но-

³⁵ См. главу XXII.

вой Жизни». Он говорил французскому писателю Claude Anet^[36]:

«Приказ № 1 – не ошибка, а необходимость. Его редактировал не Соколов; он является единодушным выражением воли Совета. В день, когда мы „сделали революцию“, мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы приняли решение в пользу последней и употребили – я смело утверждаю это – надлежащее средство».

5 марта Совет рабочих и солдатских депутатов отдал приказ № 2 «в разъяснение и дополнение № 1». Приказ этот, оставляя в силе все основные положения, установленные 1-м, добавлял: приказ № 1 установил комитеты, но не выборное начальство; тем не менее, все произведенные уже выборы офицеров должны остаться в силе; комитеты имеют право возражать против назначения начальников; все петроградские солдаты должны подчиняться политическому руководству исключительно Совета рабочих и солдатских депутатов, а в вопросах, относящихся до военной службы – военным властям. Этот приказ, весьма несущественно отличавшийся от 1-го, был уже скреплен председателем военной комиссии

³⁶ La revolution russe.

Временного правительства...

Генерал Потапов, именовавшийся «председателем военной комиссии Государственной Думы», так говорит о создавшихся взаимоотношениях между Советом рабочих и солдатских депутатов и военным министром: «6 марта вечером на квартиру Гучкова пришла делегация Совдепа в составе Соколова, Нахамкеса и Филипповского (ст. лейтенант), Скобелева, Гвоздева, солдат Падергина и Кудрявцева (инженера) по вопросу о реформах в армии... Происходившее заседание было очень бурным. Требования делегации Гучков признал для себя невозможными и несколько раз выходил, заявляя о сложении с себя звания министра. С его уходом я принимал председательствование, вырабатывались соглашения, снова приглашался Гучков, и заседание закончилось воззванием, которое было подписано: от совдепа – Скобелевым, от комитета Государственной Думы – мною и от правительства – Гучковым. Воззвание аннулировало приказы № 1 и № 2, но военный министр дал обещание проведения в армии более реальных, чем он предполагал, реформ по введению новых правил взаимоотношений командного состава и солдат». Эти реформы должна была провести комиссия генерала Поливанова.

Единственным компетентным военным человеком в этом своеобразном «военном совете» являлся генерал Потапов, который и должен нести свою долю нравственной ответственности за «более реальные реформы»...

В действительности же, воззвание, опубликованное в газетах 8 марта, вовсе не аннулировало приказов № 1 и № 2, а лишь разъяснило, что они относятся только к войскам Петроградского военного округа. «Что же касается армий фронта, то военный министр обещал незамедлительно выработать, в согласии с Исполнительным комитетом совета рабочих и солдатских депутатов, новые правила отношений солдат и командного состава». Как приказ № 2, так и это воззвание не получили никакого распространения в войсках, и ни в малейшей степени не повлияли на ход событий, вызванных к жизни приказом № 1.

Быстрое и повсеместное, по всему фронту и тылу, распространение приказа № 1 обуславливалось тем обстоятельством, что идеи, проведенные в нем, зрели и культивировались много лет – одинаково в подпольях Петрограда и Владивостока, как заученные прописи проповедовались всеми местными армейскими демагогами, всеми наводнившими фронт делегатами, снабженными печатью неприкосновенности от Совета рабочих и солдатских депутатов.

Были и такие факты: в самом начале революции, когда еще никакие советские приказы не проникли на Румынский фронт, командующий 6-ой армией генерал Цуриков, по требованию местных демагогов, ввел у себя комитеты, и даже пространной телеграммой, заключающей доказательства пользы нововведения, сообщил об этом и нам – командирам корпусов чужой армии.

С другой стороны, некоторые солдатские организации отнеслись отрицательно к приказу, считая его провокацией. Так, нижегородский совет солдатских депутатов 4 марта постановил не принимать к исполнению полученную «прокламацию», и призвать войска «повиноваться Временному правительству, его органам и командному составу».

* * *

Мало-помалу, солдатская масса зашевелилась. Началось с тылов, всегда более развращенных, чем строевые части; среди военной полуинтеллигенции – писарей, фельдшеро́в, в технических командах. Ко второй половине марта, когда в наших частях только усилились несколько дисциплинарные проступки, командующий 4-ой армией в своей главной квартире ожидал с часу на час, что его арестуют распущенные нестроевые банды...

Прислали, наконец, текст присяги «на верность службы Российскому государству». Идея верховной власти была выражена словами:

«...Обязуюсь повиноваться Временному правительству, ныне возглавляющему российское государство, впредь до установления воли народа при

посредстве Учредительного собрания».

Приведение войск к присяге повсюду прошло спокойно, но идиллических ожиданий начальников не оправдало: ни подъема, ни успокоения в смятенные умы не внесло. Могут отметить лишь два характерных эпизода. Командир одного из корпусов на Румынском фронте во время церемонии присяги умер от разрыва сердца. Граф Келлер заявил, что приводить к присяге свой корпус не станет, так как не понимает существа и юридического обоснования^[37] верховной власти Временного правительства; не понимает, как можно присягать повиноваться Львову, Керенскому и прочим определенным лицам, которые могут ведь быть удалены или оставить свои посты... Князь Репнин 20 века после судебной волокиты ушел на покой, и до самой смерти своей не одел маскеры...

Было ли действительно принесение присяги маскерой? Думаю, что для многих лиц, которые не считали присягу простой формальностью – далеко не одних монархистов – это, во всяком случае, была большая внутренняя драма, тяжело переживаемая; это была тяжелая жертва, приносимая во спасение Родины и для сохранения армии...

В половине марта я был вызван на совещание к командующему 4-ой армией, генералу Рагозе. Участвовали генералы

³⁷ На вопрос толпы, кто выбрал Временное правительство, Милюков ответил: – Нас выбрала русская революция.

Гаврилов, Сычевский и начальник штаба Юнаков^[38]. Отсутствовал граф Келлер, не признавший новой власти.

Нам прочли длинную телеграмму генерала Алексеева, полную беспросветного пессимизма, о начинающейся дезорганизации правительственного аппарата и развале армии, демагогическая деятельность Совета рабочих и солдатских депутатов, тяготевшего над волей и совестью Временного правительства; полное бессилие последнего; вмешательство обоих органов в управление армией. В качестве противодействующего средства против развала армии намечалась... посылка государственно мыслящих делегатов из состава Думы и Совета рабочих и солдатских депутатов на фронт для убеждения...

На всех телеграмма произвела одинаковое впечатление: Ставка выпустила из своих рук управление армией. Между тем, грозный окрик верховного командования, поддержанный сохранившей в первые две недели дисциплину и повиновение армией, быть может, мог поставить на место переоценивавший свое значение Совет, не допустить «демократизации» армии и оказать соответственное давление на весь ход политических событий, не нося характера ни контрреволюции, ни военной диктатуры. Лояльность командного состава и полное отсутствие с его стороны активного противодействия разрушительной политике Петрограда, превзошли все ожидания революционной демократии.

³⁸ Впоследствии – начальник штаба Петлюры.

Корниловское выступление запоздало...

Мы составили сообща ответную телеграмму, предлагая решительные меры против чужого вмешательства в военное управление.

В штабе я ознакомился с телеграммами Родзянко и Алексеева главнокомандующим, и от них – государю. Как известно, все главнокомандующие^[39] присоединились к просьбе Родзянко. Но Западный фронт долго задерживал ответ; Румынский также долго уклонялся от прямого ответа, и все добивался по аппарату у соседних штабов, какой ответ дали другие. Наконец, от Румынского фронта послана была телеграмма, в первой части которой высказывалось глубокое возмущение «дерзким предложением председателя Государственной Думы», а во второй, принимая во внимание сложившуюся обстановку, как единственный выход, указывалось принятие предложения...

18 марта я получил приказание немедленно отправиться в Петроград к военному министру. Быстро собравшись, я выехал в ту же ночь, и, пользуясь сложной комбинацией повозок, автомобилей и железных дорог, на 6-ой день прибыл в столицу.

По пути, проезжая через штабы Лечицкого, Каледина, Брусилова, встречая много лиц военных и причастных к армии, я слышал все одни и те же горькие жалобы, все одну и ту же просьбу:

³⁹ Вел. кн. Николай Николаевич, Рузский, Эверт, Брусилов, Сахаров.

– Скажите им, что они губят армию...

Телеграмма не давала никакого намека на цель моего вызова. Полная, волнующая неизвестность, всевозможные догадки и предположения.

Только в Киеве слова пробежавшего мимо газетчика поразили меня своей полной неожиданностью:

– Последние новости... Назначение генерала Деникина начальником штаба Верховного главнокомандующего...

Глава VII. Впечатления от Петрограда в конце марта 1917 года

Перед своим отречением, император подписал два указа – о назначении председателем Совета министров кн. Львова, и Верховным главнокомандующим – великого князя Николая Николаевича. «В связи с общим отношением к династии Романовых», как говорили петроградские официозы, а в действительности, из опасения Совета рабочих и солдатских депутатов попыток военного переворота, великому князю Николаю Николаевичу 9 марта было сообщено Временным правительством о нежелательности его оставления в должности Верховного главнокомандующего.

Министр-председатель, князь Львов писал: «создавшееся положение делает неизбежным оставление Вами этого поста. Народное мнение решительно и настойчиво высказывается против занятия членами дома Романовых каких-либо государственных должностей. Временное правительство не считает себя вправе оставаться безучастным к голосу народа, пренебрежение которым могло бы привести к самым серьезным осложнениям. Временное правительство убеждено, что Вы, во имя блага родины, пойдете навстречу требованиям положения и сложите с себя еще до приезда Вашего в Ставку

звание Верховного главнокомандующего».

Письмо это застало великого князя уже в Ставке, и он, глубоко обиженный, немедленно сдал командование генералу Алексееву, ответив правительству: «Рад вновь доказать мою любовь к Родине, в чем Россия до сих пор не сомневалась»...

Возник огромной важности вопрос о заместителе... Ставка волновалась, ходили всевозможные слухи, но ко дню моего проезда через Могилев ничего определенного не было еще известно.

23-го я явился к военному министру Гучкову, с которым раньше никогда не приходилось встречаться.

От него я узнал, что правительство решило назначить Верховным главнокомандующим генерала М. В. Алексеева. Вначале вышло разногласие: Родзянко и другие были против него. Родзянко предлагал Брусилова... Теперь окончательно решили вопрос в пользу Алексеева. Но, считая его человеком мягкого характера, правительство сочло необходимым подпереть Верховного главнокомандующего боевым генералом в роли начальника штаба. Остановились на мне, с тем, чтобы, пока я не войду в курс работы, временно оставался в должности начальника штаба генерал Клембовский, бывший тогда помощником Алексеева^[40].

⁴⁰ Генерал Клембовский был назначен на эту должность генералом Гурко во время исправления им должности начальника штаба Верховного главнокомандующего, когда Алексей был болен.

Несколько подготовленный к такому предложению отделом «вести и слухи» киевской газетки, я все же был и взволнован, и несколько даже подавлен теми широчайшими перспективами работы, которые открылись так неожиданно, и той огромной нравственной ответственностью, которая была сопряжена с назначением. Долго и искренно я отказывался от него, приводя достаточно серьезные мотивы: вся служба моя прошла в строю и в строевых штабах; всю войну я командовал дивизией и корпусом и к этой боевой и строевой деятельности чувствовал призвание и большое влечение; с вопросами политики, государственной обороны и администрации – в таком огромном, государственном масштабе – не сталкивался никогда... Назначение имело еще одну не совсем приятную сторону: как оказывается, Гучков объяснил генералу Алексееву откровенно мотивы моего назначения, и от имени Временного правительства поставил вопрос об этом назначении, до некоторой степени, ультимативно.

Создалось большое осложнение: навязанный начальник штаба, да еще с такой не слишком приятной мотивировкой...

Но возражения мои не подействовали. Я выговорил себе однако право, прежде чем принять окончательное решение, переговорить откровенно с генералом Алексеевым.

Между прочим, военный министр во время моего посещения вручил мне длинные списки командующего генералитета до начальников дивизий включительно, предложив сде-

лать отметки против фамилии каждого известного мне генерала об его годности или негодности к командованию. Таких листов с пометками, сделанными неизвестными мне лицами, пользовавшимися очевидно доверием министра, было у него несколько экземпляров. А позднее, после объезда Гучковым фронта, я видел эти списки, превратившиеся в широкие простыни с 10–12 графами.

В служебном кабинете министра встретил своего товарища, генерала Крымова^[41], и вместе с ним присутствовал при докладе помощников военного министра^[42]. Вопросы текущие, не интересные. Ушли с Крымовым в соседнюю пустую комнату. Разговорились откровенно.

– Ради Бога, Антон Иванович, не отказывайся от должности – это совершенно необходимо.

Он поделился со мною впечатлениями, рассказывая своими отрывочными фразами, оригинальным, несколько грубоватым языком и всегда искренним тоном.

Приехал он 14 марта, вызванный Гучковым, с которым раньше еще был в хороших отношениях и работал вместе. Предложили ему ряд высоких должностей, просил осмотреться, потом от всех отказался. «Вижу – нечего мне тут делать, в Петрограде, не по душе все». Не понравилось ему

⁴¹ Генерал Крымов – начальник Уссурийской дивизии, потом командир 3 конного корпуса, сыгравший такую видную роль в корниловском выступлении. До революции – один из инициаторов предполагавшегося дворцового переворота.

⁴² Филатьев, Новицкий, Маниковский и сенатор Гарин.

очень окружение Гучкова. «Оставляю ему полковника генерального штаба Самарина для связи – пусть хоть один живой человек будет». Ирония судьбы: этот, пользовавшийся таким доверием Крымова офицер, впоследствии сыграл роковую роль, послужив косвенно причиной его самоубийства...

К политическому положению Крымов отнесся крайне пессимистически:

– Ничего ровно из этого не выйдет. Разве можно при таких условиях вести дело, когда правительству шагу не дают ступить совдеп и разнузданная солдатня. Я предлагал им в два дня расчистить Петроград одной дивизией – конечно, не без кровопролития... Ни за что: Гучков не согласен, Львов за голову хватается: «помилуйте, это вызвало бы такие потрясения!» Будет хуже. На днях уезжаю к своему корпусу: не стоит терять связи с войсками, только на них и надежда – до сих пор корпус сохранился в полном порядке; может быть, удастся поддержать это настроение.

* * *

Четыре года я не видел Петрограда. Но теперь странное и тягостное чувство вызывала столица... начиная с разгромленной гостиницы «Астория», где я остановился, и где в вестибюле дежурил караул грубых и распущенных гвардей-

ских матросов; улицы – такие же суетливые, но грязные и переполненные новыми господами положения, в защитных шинелях, – далекими от боевой страды, углубляющими и спасающими революцию. От кого?.. Я много читал раньше о том восторженном настроении, которое, якобы, царило в Петрограде, и не нашел его. Нигде. Министры и правители, с бледными лицами, вялыми движениями, измученные бессонными ночами и бесконечными речами в заседаниях, советах, комитетах, делегациях, представителям, толпе... Искусственный подъем, бодрящая, взвинчивающая настроение, опостылевшая, вероятно, самому себе фраза, и... тревога, глубокая тревога в сердце. И никакой практической работы: министры по существу не имели ни времени, ни возможности хоть несколько сосредоточиться и заняться текущими делами своих ведомств; и заведенная бюрократическая машина, скрипя и хромая, продолжала кое-как работать старыми частями и с новым приводом...

Рядовое офицерство, несколько растерянное и подавленное, чувствовало себя пасынками революции, и никак не могло взять надлежащий тон с солдатской массой. А на верхах, в особенности среди генерального штаба, появился уже новый тип оппортуниста, слегка демагога, игравший на слабых струнках Совета и нового правящего рабоче-солдатского класса, старавшийся угождением инстинктам толпы стать ей близким, нужным и на фоне революционного безвременья открыть себе неограниченные возможности военно-об-

щественной карьеры.

Следует, однако, признать, что в то время еще военная среда оказалась достаточно здоровой, ибо, невзирая на все разрушающие эксперименты, которые над ней производили, не дала пищи этим росткам. Все лица подобного типа, как например, молодые помощники военного министра Керенского, а также генералы Брусиллов, Черемисов, Бонч-Бруевич, Верховский, адмирал Максимов и др., не смогли укрепить своего влияния и положения среди офицерства.

Наконец, петроградский гражданин – в самом широком смысле этого слова – отнюдь не ликовал. Первый пыл остыл, и на смену явилась некоторая озабоченность и неуверенность.

Не могу не отметить одного общего явления тогдашней петроградской жизни. Люди перестали быть сами собой. Многие как будто играли заученную роль на сцене жизни, обновленной дыханием революции. Начиная с заседаний Временного правительства, где, как мне говорили, присутствие «заложника демократии» – Керенского придавало не совсем искренний характер обмену мнений... Побуждения тактические, партийные, карьерные, осторожность, чувство самосохранения, психоз и не знаю еще какие дурные и хорошие чувства заставляли людей надеть шоры и ходить в них в роли апологетов или, по крайней мере, бесстрастных зрителей «завоеваний революции» – таких завоеваний, от которых явно пахло смертью и тлением.

Отсюда – лживый пафос бесконечных митинговых речей. Отсюда – эти странные на вид противоречия: князь Львов, говоривший с трибуны: «процесс великой революции еще не закончен, но каждый прожитый день укрепляет веру в неиссякаемые творческие силы русского народа, в его государственный разум, в величие его души»... И тот же Львов, в беседе с Алексеевым горько жалующийся на невозможные условия работы Временного правительства, создаваемые все более растущей в Совете и в стране демагогией.

Керенский – идеолог солдатских комитетов с трибуны, и Керенский – в своем вагоне нервно бросающий адъютанту: – Гоните вы эти проклятые комитеты в шею!..

Чхеидзе и Скобелев – в заседании с правительством и главнокомандующими горячо отстаивающие полную демократизацию армии, и они же, – в перерыве заседания в частном разговоре за стаканом чая признающие необходимость суровой военной дисциплины и свое бессилие провести ее идею через Совет...

Повторяю, что и тогда уже, в конце марта, в Петрограде чувствовалось, что слишком долго идет пасхальный перезвон, вместо того, чтобы сразу ударить в набат. Только два человека из всех, с которыми мне пришлось беседовать, не делали себе никаких иллюзий:

Крымов и Корнилов.

С Корниловым я встретился первый раз на полях Галиции, возле Галича, в конце августа 1914 г., когда он принял 48 пех. дивизию, а я – 4 стрелковую (железную) бригаду. С тех пор, в течение 4 месяцев непрерывных, славных и тяжелых боев, наши части шли рядом в составе XXIV корпуса, разбивая врага, перейдя Карпаты^[43], вторгаясь в Венгрию. В силу крайне растянутых фронтов, мы редко виделись, но это не препятствовало хорошо знать друг друга. Тогда уже совершенно ясно определились для меня главные черты Корнилова – военачальника: большое умение воспитывать войска: из второсортной части Казанского округа он в несколько недель сделал отличнейшую боевую дивизию; решимость и крайнее упорство в ведении самой тяжелой, казалось, обреченной операции; необычайная личная храбрость, которая страшно импонировала войскам и создавала ему среди них большую популярность; наконец, – высокое соблюдение военной этики, в отношении соседних частей и соратников, – свойство, против которого часто грешили и начальники, и войсковые части.

После изумившего всех бегства из австрийского плена,

⁴³ Корнилов – у Гуменного, я – у Мезоляборча.

в который Корнилов попал тяжело раненым, прикрывая отступление Брусилова из-за Карпат, к началу революции он командовал XXV корпусом.

Все, знавшие хоть немного Корнилова, чувствовали, что он должен сыграть большую роль на фоне русской революции.

2 марта Родзянко телеграфировал непосредственно Корнилову: «Временный комитет Государственной Думы, образовавшийся для восстановления порядка в столице, принужден был взять в свои руки власть, ввиду того, что под давлением войск и народа старая власть никаких мер для успокоения населения не предприняла и совершенно устранена. В настоящее время власть будет передана временным комитетом Государственной Думы – Временному правительству, образованному под председательством князя Львова. Войска подчинились новому правительству, не исключая состоящих в войске, а также в Петрограде лиц императорской фамилии, и все слои населения признают только новую власть. Необходимо для установления полного порядка, для спасения столицы от анархии назначение на должность главнокомандующего петроградским военным округом доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения. Комитет Государственной Думы признает таким лицом ваше превосходительство, как известного всей России героя. Временный комитет просит вас, во имя спасения родины, не отказать принять на себя долж-

ность главнокомандующего в Петрограде, и прибыть незамедлительно в Петроград. Ни минуты не сомневаемся, что вы не откажетесь вступить в эту должность и тем оказать неоценимую услугу родине. № 159. Родзянко».

Все построение этой телеграммы и такой «революционный» путь назначения, минуя военное командование, очевидно, не понравились Ставке: на телеграмме, проходившей через Ставку, имеется пометка «не отправлена», но в тот же день генерал Алексеев отдал свой приказ (? 334): «допускаю ко временному главнокомандованию войсками петроградского военного округа... генерал-лейтенанта Корнилова».

Я подчеркнул этот маленький эпизод для уяснения, как путем целого ряда мелких личных трений, возникли впоследствии не совсем нормальные отношения между двумя крупными историческими деятелями...

С Корниловым я беседовал в доме военного министра, за обедом – единственное время его отдыха в течение дня. Корнилов – усталый, угрюмый и довольно пессимистически настроенный, рассказывал много о состоянии Петроградского гарнизона и своих взаимоотношениях с Советом. То обаяние, которым он пользовался в армии, здесь – в нездоровой атмосфере столицы, среди деморализованных войск – поблекло. Они митинговали, дезертировали, торговали за прилавком и на улице, нанимались дворниками, телохранителями, участвовали в налетах и самочинных обысках, но не нес-

ли службы. Подойти к их психологии боевому генералу было трудно. И, если часто ему удавалось личным презрением опасности, смелостью, метким, образным словом овладеть толпой во образе воинской части, то бывали случаи и другие, когда войска не выходили из казарм для встречи своего главнокомандующего, подымали свист, срывали георгиевский флажок с его автомобиля (финляндский гвардейский полк).

Общее политическое положение Корнилов определял так же, как и Крымов: отсутствие власти у правительства и неизбежность жестокой расчистки Петрограда. В одном они расходились: Корнилов упрямо надеялся еще, что ему удастся подчинить своему влиянию большую часть петроградского гарнизона – надежда, как известно, несбывшаяся.

Глава VIII. Ставка; ее роль и положение

25 марта я приехал в Ставку и тотчас был принят Алексеевым.

Алексеев, конечно, обиделся.

– Ну что же, раз приказано...

Я снова, как и в министерстве, указал ряд мотивов против своего назначения, и в том числе – отсутствие всякого влечения к штабной работе. Просил генерала Алексеева совершенно откровенно, не стесняясь никакими условностями, как своего старого профессора, высказать свой взгляд, ибо без его желания я ни в каком случае этой должности не приму.

Алексеев говорил вежливо, сухо, обиженно и уклончиво: масштаб широкий, дело трудное, нужна подготовка, «ну что же, будем вместе работать»...

Я, за всю свою долгую службу не привыкший к подобной роли, не мог, конечно, помириться с такой постановкой вопроса.

– При таких условиях я категорически отказываюсь от должности. И чтобы не создавать ни малейших трений между вами и правительством, заявлю, что это исключительно мое личное решение.

Алексеев вдруг переменял тон.

– Нет, я прошу вас не отказываться. Будем работать вместе, я помогу вам; наконец, ничто не мешает месяца через два, если почувствуете, что дело не нравится – уйти на первую открывающуюся армию. Надо вот только поговорить с Клембовским: он, конечно, помощником не останется...

Простились уже не так холодно.

Но прошел день, два – результатов никаких. Я жил в вагоне-гостинице, не ходил ни в Ставку, ни в собрание^[44] и, не желая долее переносить такое нелепое и незаслуженное положение, собрался уже вернуться в Петроград. Но 28 марта приехал в Ставку военный министр и разрубил узел: Клембовскому было предложено назначение командующим армией, или членом Военного совета; он выбрал последнее. Я 5-го апреля вступил в должность начальника штаба.

Тем не менее, такой полупринудительный способ назначения Верховному главнокомандующему ближайшего помощника не прошел бесследно: между генералом Алексеевым и мною легла некоторая тень и только к концу его командования она рассеялась. – Генерал Алексеев в моем назначении увидел опеку правительства... Вынужденный с первых же шагов вступить в оппозицию Петрограду, служа исключительно делу, оберегая Верховного – часто без его ведома – от многих трений и столкновений своим личным участи-

⁴⁴ «Сел в бест», как острили в Ставке, которую очень волновал ход переговоров.

ем в них, я со временем установил с генералом Алексеевым отношения, полные внутренней теплоты и доверия, которые не порывались до самой его смерти.

2-го апреля генералом Алексеевым получена была телеграмма: «Временное правительство назначает Вас Верховным главнокомандующим. Оно верит, что армия и флот под Вашим твердым руководством исполнят свой долг перед родиной до конца». Числа 10-го состоялся приказ и о моем назначении.

Итак, начальник штаба Верховного главнокомандующего. Множество поздравительных телеграмм и писем – искренних и... с расчетом. Действительно огромный масштаб и такой навал работы, которого ранее никогда в жизни я не испытывал и который вначале буквально придавил меня физически и духовно. Установился невозможный режим: два раза в день в собрание и обратно – завтракать и обедать, вот и вся прогулка; прочее время – текущая переписка, изучение истории возникавших вопросов, доклады, приемы – и так до глубокой ночи. Запас здоровья, приобретенный за три года полевой боевой жизни, оказался весьма кстати. Без него было бы худо. Постепенно, однако, создавалась некоторая преемственность в работе и почва под ногами в смысле определенности решений и осведомленности.

Оба ближайших помощника начальника штаба ушли: генерал-квартирмейстер Лукомский, не ладивший с Алексеевым и, может быть, не хотевший подчиниться младшему,

был назначен командиром первого армейского корпуса; дежурный генерал Кондзеровский обиделся на Гучкова, сказавшего ему, что дежурство^[45] Ставки вызывает всеобщую ненависть в армии, и также ушел, получив назначение членом Военного совета, сохранив со мной прекрасные отношения. Здесь крылось глубокое недоразумение и личные счёты каких-то осведомителей, ибо в Кондзеровском я встретил редкую доброту и отзывчивость к интересам самых маленьких чинов армии.

Их уход также осложнил несколько положение. Первого заменил приглашенный ранее Алексеевым, генерал Юзефович, второго – Минут. Ушел еще со своего поста по политическим мотивам генерал-инспектор артиллерии, великий князь Сергей Михайлович. Его заменил генерал Ханжин, впоследствии командовавший армией в войсках адмирала Колчака. Два доклада Сергея Михайловича нарисовали мне такую отчетливую картину состояния русской артиллерии, подчеркнули такое изумительное знание им личного состава, что я искренно пожалел об уходе такого сотрудника.

* * *

⁴⁵ «Дежурство» – административно-организационный отдел Ставки.

Ставка вообще не пользовалась расположением. В кругах революционной демократии ее считали гнездом контрреволюции, хотя она решительно ничем не оправдывала это название: при Алексееве – высоколояльная борьба против развала армии, без всякого вмешательства в общую политику, при Брусилове – оппортунизм с уклоном даже в сторону искательства перед революционной демократией. Что касается корниловского движения, то оно, не будучи в своей основе контрреволюционным, как увидим ниже, действительно имело целью борьбу против полубольшевистских советов. Но и тогда лояльность чинов Ставки определилась достаточно наглядно: в корниловском выступлении активно участвовало из них лишь несколько человек; после ликвидации института верховных главнокомандующих и введения нового института – «главковерхов» – почти вся Ставка (при Керенском) или довольно большая часть ее (при Крыленко) продолжали текущую работу.

Армия также не любила Ставку – и за дело, и по недоразумению, так как там плохо разбирались в определении служебных функций, и многие недочеты снабжения, быта, прохождения службы, наград и т. д. относили к Ставке, тогда как эти вопросы составляли всецело компетенцию военного министерства и подчиненных ему органов. Ставка всегда стояла несколько вдали от армии. И если при сравнительно нормальных, налаженных взаимоотношениях дореволюционного периода, это обстоятельство не отражалось слиш-

ком резко на действиях правящего механизма, то теперь, когда жизнь армии не шла, а кипела в водовороте событий, Ставка поневоле отставала от жизни.

Правительство также относилось к Ставке отрицательно. Министры, посетившие ее 18–19 марта, вынесли впечатление о «громоздкости Ставки, невозможности определения ответственности, смешении прав и обязанностей, особенно в отношении великих князей, занявших созданные для них посты инспекторов кавалерии, авиации, казачьих войск, гвардии и т. д. . . . Назначения начальников делались по связям. Система учета живых и материальных сил неудовлетворительна: ошибка в оценке боевых сил допускалась до трех миллионов (!), оценка снабжения делалась с огромными допусками^[46], и т. д. Не оспаривая известные недочеты Ставки, о которых говорится ниже, считаю преувеличенным обвинение в «назначениях по связям», возводимых в общее правило. Несомненно, эта слабость человеческая имела место в старой Ставке, но никогда не доходила до той вакханалии, какая проявилась в революционный период, когда были опрокинуты всякие стажи знания, опыта, заслуг – под пленительным лозунгом:

– Дорогу талантам!

Но беда в том, что таланты зачастую определялись под большим давлением столь компетентных учреждений, как войсковые комитеты.

⁴⁶ В передаче генерала Потапова.

Помню, как самому мне приходилось выдержать большую борьбу с генеральным штабом по поводу требования моего, не считаясь со старшинством чинов, предоставлять все же высшие командные должности только офицерам, прошедшим практическую школу полкового командира. В частности, я навлек на себя большое неудовольствие будущего военного министра, полковника Верховского, не допустив его назначения с должности начальника штаба дивизии – начальником дивизии.

Наконец, в отношениях правительства к Ставке не могли не возникнуть некоторые трения, вследствие постоянного протеста против целого ряда правительственных мероприятий, разрушавших армию. Никаких других серьезных причин к разногласию не существовало, так как вопросы внутренней политики ни в малейшей степени ни генералом Алексеевым, ни мною, ни отделами Ставки не затрагивались. Ставка была, в полном смысле этого слова, аполитична, и Временное правительство в первые месяцы революции имело в ней совершенно надежный технический аппарат. Ставка оберегала лишь высшие интересы армии и, в пределах ведения войны и армии, добивалась полной мощи Верховному главнокомандующему. Я скажу более: личный состав Ставки казался мне бюрократическим, слишком погруженным в сферу чисто специальных интересов и – плохо ли, хорошо ли – мало интересующимся общими политическими и социальными вопросами, выдвигаемыми жизнью.

Штаты Ставки были поистине велики. Они росли и непрерывно развивались, обуславливаясь иногда «устройством» определенного лица или приданием ему определенного антуража. Особенно отличались «военные сообщения» и «пути сообщения», функции которых, зачастую одноименные, переплетались и перемешивались. В течение войны дважды изменялась система управления сообщениями и, соответственно с этим, функционировала еще ликвидационная комиссия с полными штатами и окладами главных управлений. Это учреждение каждые три месяца (при мне, кажется, в пятый раз) возобновляло ходатайство о продлении своей деятельности.

Но едва ли не в самых худших условиях, и уже по причинам, от него не зависевшим, находился Главный полевой интендант. Представляя только орган надзора, статистики и высшего распределения, он оперировал цифрами, заведомо ложными, доставляемыми с фронтов, особенно ввиду полного отсутствия общего учета людского и конского составов. Затруднения в снабжении, боязнь перемещения запасов с более обеспеченного фронта на менее обеспеченный, и общее отсутствие превалирования государственных интересов над местными создали грандиозную ложь, сокрытие от учета и преуменьшение цифр всюду – начиная полковым обозом и кончая фронтом.

Характерной чертой Ставки, для меня очень тягостной, была легкость обращения с миллионами, безотказно извле-

каемыми из военного фонда. Не хищение, отнюдь, а именно легкость. Сомнительной пользы предприятия, проведение новых железных и шоссейных дорог, стратегическая необходимость которых была весьма условна, и т. д. Управление путей, например, было настолько предусмотрительно, что представило мне раз на утверждение заказ в несколько десятков миллионов рублей на возобновление в будущем оборудования... Варшавско-Венской железной дороги, находившейся на польской территории, оккупированной немцами!

И когда я мучительно изучал вопрос военной целесообразности представленного мне однажды проекта какой-то новой ветки, начальник управления, генерал Кисляков^[47] – человек большого ума и таланта – положительно недоумевал:

– Ведь всего на 8 миллионов. Неужели вам жалко их...

Со времени революции эта легкость обращения с народными деньгами нашла и другое применение: многие начальники, и на фронте и в Ставке, уступая напору всяких комитетов и делегаций, отчасти желая снискать известную популярность, возбуждали неосновательные ходатайства о значительной прибавке содержания, преимущественно тыловым, нестроевым элементам. Иногда напор, помимо меня, велся на доброго и стеснявшегося отказать Михаила Васильевича. И мне больших усилий стоило поставить вопрос этот в

⁴⁷ Растерзан большевиками на улицах Полтавы в 1919 году.

общегосударственные рамки, указывая, что нельзя благодетельствовать некоторым разрядам служилых людей, а необходимо планомерно улучшать материальное положение всех чинов армии, и прежде всего, находящегося в худших и более тяжелых условиях, боевого элемента.

Как известно, к маю правительство довело солдатские оклады по разным званиям в армии до 7 руб. 50 – 17 руб., во флоте 15 – 50 рублей. Что касается офицерского состава, то все наши усилия остались тщетными: ему даже сбавили содержание путем упразднения добавочных выдач, существовавших под архаическими названиями: «на представительство» и «фуражные».

К моему вступлению в должность все «великокняжеские инспектуры» были упразднены, артиллерийская сокращена при мне. Но упрощения и сокращения всей системы мы не достигли. Ибо тотчас же снизу, в стремлении самоорганизации и верховного возглавления, начался жесточайший напор на правительство, военное министерство и командование. Постепенно возрождались инспектуры – санитарная, инженерная, авиационная, задержано расформирование казачьей. Общественные организации – красного креста, земства и городов также выбивались всеми силами из фронтового военного управления и требовали для себя верховного возглавления в Ставке. Приходилось вести борьбу против этих индивидуальных стремлений, грозивших затопить полевой штаб волною не боевых интересов. Помню, как ка-

кой-то фронтовой или всероссийский ветеринарный съезд на этой почве выразил мне «недоверие» за недостаток культурности и непонимание высокого научно-общественного значения ветеринарии...

Но едва ли не наибольшее нетерпение и бурное стремление к абсолютной самостоятельности проявил военно-медицинский мир. Состоявшийся в начале апреля съезд врачей армии и флота требовал полной автономии, изъятия полевого санитарного инспектора из власти военного начальства и реорганизации ведомства снизу доверху на выборных коллективных началах^[48]. Фактически, захватным правом эта автономность начала осуществляться на фронтах в чрезвычайно разнообразных, иногда уродливых формах, далеко выходя за пределы компетенции и специальности. Как одно из ее проявлений, во многих армиях к числу прочих коллективов, расхищавших власть командира полка, прибавился еще один – санитарно-гигиенический, в составе командира полка, врача и выборного солдата – с большим кругом ведения и прав.

Все это грозило большим расстройством организации. Новый главный полевой санитарный инспектор, профессор Вельяминов, был совершенно терроризован съездом, выразившим ему «недоверие, ввиду несоответствия требованиям

⁴⁸ Вместе с тем, съездом был послан привет «русской демократии в лице Советов, как оплоту решительной и полной демократизации страны против попыток контрреволюции».

момента», и своими подчиненными, отказывавшими ему в послушании. Он то слал покаянные телеграммы на фронт, обещаясь «освободить русское врачебное сословие от вмешательства в его деятельность некомпетентных лиц, раскредитовать русского врача», то приходил ко мне просить защиты от своеволия низших инстанций, требовавших его самоупразднения и нарушавших общие директивы и планы военно-медицинской и санитарной работы. Характерно, что проект реорганизации ведомства, представленный Вельяминовым, наряду с мерами действительно необходимыми и своевременными, представлявшими врачам полную свободу по специальности, заключал в себе все самые вредные и чуждые армии положения, вложенные в основание «демократизации армии»: выборное начало, комитеты, коллегиальную безответственную власть, вмешательство и расхищение власти начальника.

Болезнь, очевидно, имела весьма распространенный характер.

Как бы то ни было, технический аппарат Ставки, как в отношении служебного элемента, так и конструкции своей, все-таки был достаточно приспособлен для управления и командования.

Наконец, стратегия...

Когда говорят о русской стратегии в отечественную войну с августа 1915 года, надлежит помнить, что это стратегия — исключительно личная Мих. Вас. Алексеева. Он один несет историческую ответственность за ее направление, успехи и неудачи.

Необыкновенно трудолюбивый, добросовестный, самоотверженный работник, он обладал в этом отношении одним крупным недостатком: всю жизнь делал работу за других. Так было в должности генерал-квартирмейстера генерального штаба, начальника штаба Киевского округа, потом Юго-западного фронта, и наконец, начальника штаба Верховного главнокомандующего. Никто не имел влияния на стратегические решения^[49], и зачастую готовые директивы, написанные мелким бисерным почерком Алексеева, появлялись совершенно неожиданно на столе генерал-квартирмейстера, на которого законом возложена была и обязанность, и огромная ответственность в этой области. И если такой порядок мог иметь до некоторой степени оправдание, при безличном или

⁴⁹ Некоторые придают преувеличенное значение сотрудничеству в этом отношении состоявшего при генерале Алексееве генерала Борисова. Борисов впоследствии поступил на службу к большевикам.

обезличенном условиями службы генерале Пустовойтенко, то являлся совершенно ненормальным, в отношении позднейших генерал-квартирмейстеров – Лукомского и Юзефовича. Примириться с этим они не могли.

Генерал Лукомский выражал обыкновенно свой протест путем подачи записок, с изложением своего мнения, не согласного с планом операции. Конечно, этот протест имел чисто академическое значение, но гарантировал, во всяком случае, от суда истории. Генерал Клембовский, исполнявший должность начальника штаба Верховного главнокомандующего до меня, вынужден был поставить условием своего пребывания в должности – невмешательство в законный круг его ведения...

Ранее Михаил Васильевич держал в своих руках все отрасли управления. Со значительным расширением их объема, это оказалось физически невыполнимым, и мне уже предоставлена была вся полнота обязанностей во всем, кроме... стратегии.

Опять пошли собственноручные телеграммы стратегического характера, распоряжения, директивы, обоснование которых иногда не было понятно мне и генерал-квартирмейстеру (Юзефович). Много раз втроем (я, Юзефович, Марков^[50]) мы обсуждали этот вопрос; экспансивный Юзефович волновался и нервно просил назначения на дивизию: «Не могу я быть писарем. Зачем Ставке квартирмейстер, когда

⁵⁰ 2-ой генерал-квартирмейстер.

любой писарь может перепечатывать директивы»...

И я, и он стали поговаривать об уходе. Марков заявил, что без нас не останется ни одного дня. Наконец, я решил поговорить откровенно с Михаилом Васильевичем. Оба взволновались, расстались друзьями, но вопроса не разрешили.

– Разве я не предоставляю вам самого широкого участия в работе; что вы, Антон Иванович – совершенно искренно удивился Алексеев, в течение всей войны привыкший к определенному служебному режиму, казавшемуся ему совершенно нормальным.

Опять «конференция» втроем. После долгих дебатов решили, что общий план кампании 17-го года разработан давно, и подготовка ее находится уже в такой стадии, что существенные перемены невозможны, что детали сосредоточивания и развертывания войск, при современном состоянии их, – вопрос спорный и трудно учитываемый; что некоторые изменения плана нам удастся провести; наконец, что наш уход *in corpore* мог бы повредить делу и пошатнуть, и без того непрочное, положение Верховного. И поэтому решили потерпеть.

Терпеть пришлось недолго, так как в конце мая ген. Алексеев, а за ним вскоре и мы трое, оставили Ставку.

Что же представляла из себя Ставка в ряду военно-политических факторов революционного периода.

Значение Ставки пало.

Ставка императорских времен занимала положение главенствующее, по крайней мере, в отношении военном. Ни одно лицо и учреждение в государстве не имело права давать указаний или требовать отчета от Верховного главнокомандующего, каким фактически являлся не царь, а Алексеев. Ни одно мероприятие военного министерства, хоть несколько затрагивающее интересы армии, не могло быть проведено без санкции Ставки. Ставка давала императивные указания военному министру и подчиненным ему органам по вопросам, касавшимся удовлетворения потребностей армии. Голос ее, вне общего направления внутренней политики, имел известный вес и значение и в практической области управления на театре военных действий. Такая власть, если и не осуществлялась в надлежащей мере, то давала принципиальную возможность вести дело защиты страны, при широком полуподчиненном сотрудничестве других органов ее управления.

С началом революции, обстановка резко изменилась. Ставка, вопреки историческим примерам и велению военной науки, стала органом, фактически подчиненным военно-

му министру. Эти взаимоотношения не основывались на каком-либо правительственном акте^[51], а вытекали из смешения в коллективном лице Временного правительства, – верховной и исполнительной власти, и из сочетания характеров более сильного Гучкова и уступчивого Алексеева. Ставка не могла уже предъявлять законных требований довольствующим органам министерства; она вела длительную переписку и просила. Военный министр, подписывавший прежние высочайшие приказы, оказывал сильное давление на назначение и смещение высшего командного состава; иногда назначения проходили его приказом, по соглашению с фронтами, минуя Ставку. Важнейшие военные законы, в корне изменявшие условия комплектования, жизни и службы войск, издавались министерством без всякого участия верховного командования, которое узнавало о выходе их только из газет. Впрочем, это участие было бы действительно бесполезным. Два произведения поливановской комиссии – о новом суде и о комитетах – данные мне случайно на просмотр Гучковым, были мною возвращены с целым рядом существенных возражений, и Гучков тщетно отстаивал их перед советскими представителями. Приняты были только... редакционные поправки.

Гражданское управление прифронтового района, частью

⁵¹ По смыслу «положения о полевом управлении войск», Верховный Главнокомандующий подчинялся Временному правительству, как верховной власти, но отнюдь не военному министру.

захватным правом местных комитетов, частью санкцией правительства вышло из рук военного управления. Все права в этом отношении военных начальников, основанные на положении о полевом управлении войск, остались не отмененными, не практикуемыми, и никому не переданными.

Все эти обстоятельства, несомненно, подорвали авторитет Ставки в глазах армий, а среди высшего командующего генералитета вызвали стремление к непосредственным сношениям, минуя Ставку, с более властными центральными правительственными органами с одной стороны, и проявление чрезмерной частной инициативы в принципиальных военно-государственных вопросах, с другой. Так, в мае Северный фронт, вместо определенного процента старослужащих, уволил всех, создав огромные затруднения соседям; Юго-западный начал формирование украинских частей; командующий Балтийским флотом снял погоны с офицеров и т. д.

Ставка потеряла силу и власть и не могла уже играть довлеющей роли – объединяющего командного и морально-го центра. И это произошло в самый грозный период мировой войны, на фоне разлагающейся армии, когда требовалось не только страшное напряжение всех народных сил, но и проявление исключительной по силе и объему власти. Между тем, вопрос был ясен: если Алексеев и Деникин не пользовались доверием и не удовлетворяли условиям, требуемым от верховного командования и управления, их следовало сменить, назначить новых людей и дать им и доверие,

и полноту власти. Фактически, дважды эта смена была произведена. Но смена только людей, а не принципов командования. Ибо, при создавшихся взаимоотношениях и безвластии, центра военной власти в своих руках не имел никто: ни вожди, пользовавшиеся репутацией исключительно бескорыстного и лояльного служения родине, как Алексеев, ни впоследствии «железные полководцы», каким был Корнилов и считался Брусилов, ни все те хамелеоны, которые шли в поводу у социалистических реформаторов армии. На фронте высший командный состав был более или менее однороден и приблизительно с одинаковой, если не политической, то военной идеологией. Быть может, это обстоятельство препятствовало сохранению власти и авторитета? Но ведь, кроме армий фронта, у нас были едва ли не более многочисленные армии тыловые, находившиеся в подчинении командующих военными округами. На эти должности правительство зачастую назначало и людей совершенно другой среды – весьма мало или никакого отношения не имевших к строю, но за то с революционным формуляром. Во главе этих тыловых армий стояли такие разнородного характера люди: Петроградского округа – ген. Корнилов – полководец; Московского – подполковник Грузинов – председатель московской губернской управы, октябрист; Киевского – полковник Оберучев – социал-революционер, бывший политический ссыльный; Казанского – подполковник Коровиченко, присяжный поверенный, социалист. Как известно, войска всех этих округов

не особенно отличались друг от друга быстротой темпа, которым шли к развалу, и глубиной этого развала.

Вся военная иерархия была потрясена до основания, наружно сохраняя атрибуты власти и привычный порядок сношений: директивы, которые не могли сдвинуть армии с места, приказы, которые не исполнялись, судебные приговоры, над которыми смеялись. Пресс принуждения всей своей тяжестью лег по линии наименьшего сопротивления – исключительно на лояльный командный состав, который безропотно подчинялся гонению и сверху, и снизу. А правительство и военное министерство, отбросив репрессии, прибегло к новому способу воздействия на массы: возваниям. Возвания к народу, к армии, к казакам, ко всем, всем, всем – наводняли страну, приглашая к исполнению долга; к несчастью успех имели только те возвания, которые, потворствуя низким инстинктам толпы, приглашали ее к нарушению долга.

В результате не контрреволюция, не авантюризм, не бонапартизм, а стихийное стремление государственных элементов восстановить нарушенные законы ведения войны, выдвинули впоследствии новое течение:

– Взять военную власть!

Эта задача была не по характеру ни Алексееву, ни Брусилову. Попытку ее разрешения принял на себя впоследствии Корнилов, начав проводить самостоятельно ряд важных военных мероприятий, и обращаясь к правительству с ульти-

мативными требованиями по военным вопросам^[52].

Крайне интересно сопоставить это положение с тем, в котором находилось командование армиями нашего могущественного тогда врага. Людендорф – 1-й генерал-квартирмейстер германской армии, говорит^[53]:

«В мирное время, имперское правительство обладало полною властью над своими ведомствами... С началом войны, министрам трудно было привыкнуть видеть в главной квартире власть, которую грандиозность дела заставляла действовать с тем большей силой, чем ее меньше было в Берлине. Я бы хотел, чтобы правительство отдало себе отчет в этом, настолько простом положении... Правительство шло своим собственным путем, и для удовлетворения пожеланий главной квартиры не поступилось никогда ни одним своим намерением. Наоборот, оно пренебрегало многим, что мы считали необходимым в интересах ведения войны»...

Если к этому прибавить, что в марте 1918 года с трибуны рейхстага Гаазе с большим основанием говорил: «Канцлер – это не более как вывеска, прикрывающая военную партию. Фактически правит страной Людендорф», – то станет понят-

⁵² Первоначально вопрос ставился только о «полной мощи» верховного командования в пределах его компетенции.

⁵³ «Souvenirs de guerre».

ным, какую огромную властью считало необходимым обладать немецкое командование для выигрыша мировой войны.

Я нарисовал общую картину Ставки, ко времени вступления моего в должность начальника штаба. Учтя всю создавшуюся обстановку, я поставил себе главными целями: для сохранения в русской армии способности хотя бы к удержанию восточного фронта мировой борьбы, препятствовать всемерно разрушающим ее течениям, и поддержать права, власть и авторитет Верховного главнокомандующего.

Предстояла лояльная борьба. В этой борьбе, продолжавшейся всего два месяца, вместе со мною приняли участие почти все отделы Ставки.

Глава IX. Мелочи жизни в Ставке

Я приведу несколько мелких, но характерных штрихов из жизни и быта Ставки, чтобы более к ним не возвращаться.

Губернский город Могилев – небольшой, тихий, наполовину еврейский – стал сосредоточием военной жизни страны. И в Ставке, и в обществе с первых же дней полушутя, полусерьезно говорили о провиденциальном наименовании города: Могилев – могила... Императорский двор, поместившийся в небольшом губернаторском доме, был обставлен чрезвычайно скромно, и присутствие его выдавали разве только усиленная охрана и паспортные затруднения. Со времени вступления на пост Верховного – генерала Алексеева, эта патриархальная простота достигла еще больших размеров: всякий церемониал отменен, наружная тайная охрана была снята; у входа в губернаторский дом стояли парные часовые, в вестибюле – дежурный жандарм и далее... зачастую до самой спальни Верховного Главнокомандующего можно было пройти, не встретив ни одной живой души.

Вообще, в связи с общим тревожным положением, солдатскими бунтами в Орше, Брянске и на ближайших железнодорожных станциях, беспорядками в проходивших через Могилев эшелонах и аграрными волнениями в уездах, – положение Ставки было по меньшей мере оригинальным. В Могилеве не было решительно никакой вооруженной силы

для защиты Ставки. Единственная строевая часть – Георгиевский батальон, в силу своего особенного прошлого^[54], старался подчеркнуть свою «революционность» будированием, иногда неповиновением. Генерал Алексеев имел возможность вызвать в Ставку какую-либо сохранившуюся часть, но не хотел этого делать, ввиду подозрительности Петрограда. Все прочие команды, главным образом технические, были недисциплинированы, распущены и представляли прямые очаги брожения.

В Могилеве еще до моего приезда образовались два комитета: солдатский комитет Могилевского гарнизона из представителей мелких частей, не причисленных к Ставке, и всякого рода дезертиров, и солдатско-офицерский комитет Ставки. Первый, к которому потом примкнули самозванные рабочие и крестьянские представители, при главном участии еврея-дезертира, именовавшего себя прапорщиком Гольманом, терроризовал губернские, уездные власти и городское самоуправление, которое покорно подчинялось его нелепым демагогическим требованиям, предоставляя даже в его распоряжение городские суммы. Губернский комиссар и прокурор не решались противодействовать комитету. Ставка выслала Гольмана, но скоро он вернулся с мандатом Петроградского Совета и при молчаливом одобрении министерства внутренних дел продолжал свою деятельность – сравнительно скромно при нас, с большой наглостью при оказывав-

⁵⁴ Участие в карательном отряде ген. Иванова.

шем ему всякие знаки внимания Брусилове, пока наконец, перед корниловским выступлением, не был посажен в тюрьму.

Солдатский комитет Ставки возник вскоре после переворота, и с согласия Алексеева к нему примкнули офицеры, чтобы своим участием дать надлежащий тон, и сдерживать в определенных рамках солдатские настроения. Вначале это как будто удавалось. И стоявшие во главе комитета полковники Значко-Яворский и Сергиевский, с которыми я беседовал еще по пути в Ставку, были полны иллюзий о возможности «плодотворной работы комитета». Скоро надежды рухнули, оба полковника вышли из состава президиума, а комитет стал трибуной для агитации против начальства, вмешиваясь в вопросы местных ставочных назначений, службы, быта, вынося и публикуя свои постановления – подчас вызывающие, оскорбительные, деморализующие. Даже прислуга офицерского собрания Ставки, поддержанная комитетом, сместила эконома и ввела некоторые ограничения во времени, распорядке и меню без того неважного офицерского стола. Правда, разгон части будирующей прислуги, вызвавший протесты и осложнения, несколько исправил дело.

Это солдатское засилие не встречало сколько-нибудь сильного противодействия. Комитет вынес, например, постановление, чтобы шоферы не смели возить начальствующих лиц на прогулку, а возили только по службе. Алексей говорит мне как-то:

– Хорошо бы поехать за город, отдохнуть, погулять в лесу – там есть чудная аллея. Да противно с этими господами...

Он мог, конечно, ехать куда угодно, но ему действительно было противно, и Верховный Главнокомандующий лишил себя столь заслуженного и столь необходимого отдыха, под влиянием комитетского постановления.

Комитет постановил: удалить с должности коменданта главной квартиры генерала С. Я категорически отказал, и комитет решил применить в отношении его вооруженную силу. Ген. Алексеев, узнав об этом, пришел в негодование, в каком мне редко приходилось его видеть.

– Пусть попробуют. Я сам пойду туда. Возьму взвод полевых жандармов и перестреляю этих...

Произвести испытание верности полевой жандармерии не пришлось. С. сам умолял не оставлять его в должности и отпустить: «Бог знает, чем это все кончится»...

К сожалению, в комитетской практике были, хотя и редко, случаи, когда офицеры Ставки не оказывались на высоте своего положения, и постановления комитета, недопустимые юридически, были по существу правильны. Это обстоятельство осложняло мою позицию: кара виновных истолковывалась не как признание факта преступления, а как признание авторитета комитета.

Непротивление было всеобщее. Тяжело было видеть офицерские делегации Ставки, во главе с несколькими генералами, плетущиеся в колонне манифестантов, праздновавших

1-ое мая, – в колонне, среди которой реяли и большевистские знамена, и из которой временами раздавались звуки интернационала... Зачем? Во спасение Родины или живота своего?

Не лучше обстояло дело сношений с центром. На целый ряд обращений – министерства, особенно внутренних дел и юстиции, не давали вовсе ответа. Военное министерство оказало такое, например, удивительное невнимание: я трижды просил об установлении содержания Верховному главнокомандующему, так как в законе оно определялось лишь формулой «по особому Высочайшему повелению».

Так и не ответили; и генералу Алексееву мы выдавали содержание по прежней должности – начальника штаба, до самого его ухода... И только через два месяца после ухода, уже в конце июля, правительство сообразовало назначить ему содержание в размере... 17 тысяч рублей в год.

Быть может, все это многим покажется неинтересным, все это мелочи... Но мне необходимо было коснуться этих мелочей, чтобы выяснить, какая тягостная, пошлая, принижающая атмосфера царила в повседневной жизни Ставки – этого центра мозга, воли и работы великой армии.

В более или менее одинаковом со Ставкой положении были штабы фронтов и армий.

Я ни на одну минуту не верил в чудодейственную силу солдатских коллективов, и потому принял систему полного их игнорирования. Думаю, что это было правильно, ибо оба

могилевские комитета начали понемногу хиреть и терять интерес в среде, вызвавшей их к жизни.

Так шли дни за днями.

К часу мы с Михаилом Васильевичем ходили в собрание завтракать, к 7-ми обедать. В собрании вечная толчея. Благодаря гучковским проскрипционным спискам, деятельности комитетов и «голосу народа», в Ставку хлынула масса генералов – уволенных, смещенных, получивших «недоверие». Много таких, которые при старом режиме были отставлены или оставались в тени, и теперь надеялись пробить себе дорогу. У всех наболело в душе, все требовали исключительного внимания к своим переживаниям – быть может заслуженного – но безбожно отнимавшего время у Верховного и у меня, и парализовавшего нашу работу.

Петроградский совет получал, очевидно, сведения об этом «контрреволюционном съезде», и волновался. Мне было и смешно, и грустно: в том огромном калейдоскопе «бывших», который прошел тогда перед моими глазами, я видел самые разнородные чувства и желания, но очень мало стремления к действенному протесту и борьбе.

Приезжало много прожектёров с планами спасения России. Был у меня, между прочим, и нынешний большевистский «главком», тогда генерал, Павел Сытин. Предложил для укрепления фронта такую меру: объявить, что земля – помещичья, государственная, церковная – отдается бесплатно в собственность крестьянам, но исключительно тем, ко-

торые сражаются на фронте.

– Я обратился – говорил Сытин – со своим проектом к Каледину, но он за голову схватился: «что вы проповедуете, ведь это чистая демагогия!..»

Уехал Сытин без земли и без... дивизии. Легко примирился впоследствии с большевистской теорией коммунистического землепользования.

Начало съезжаться также множество рядового офицерства, изгоняемого товарищами-солдатами из частей. Они приносили с собой подлинное горе, беспросветную и жуткую картину страданий, на которые народ обрек своих детей, безумно расточая кровь и распыляя силы тех, кто охранял его благополучие.

Глава X. Генерал Марков

Обязанности генерал-квартирмейстера Ставки были настолько разносторонни и сложны, что пришлось создать, по примеру иностранных армий, должность второго генерал-квартирмейстера, выделив первому лишь ту область, которая непосредственно касалась ведения операций.

На новую должность я пригласил генерала С. Л. Маркова, который связал свою судьбу неразрывно с моею до самой своей славной смерти во главе добровольческой дивизии; дивизия эта с честью носила потом его имя, ставшее в Добровольческой армии легендарным.

Война застала его преподавателем академии генерального штаба; на войну он пошел в составе штаба генерала Алексева, потом был в 19-ой дивизии, и наконец, попал ко мне, в декабре 1914-го года, в качестве начальника штаба 4-ой стрелковой бригады, которой я тогда командовал.

Приехал он к нам тогда в бригаду, никому не известный и неожиданный: я просил штаб армии о назначении другого. Приехал и с места заявил, что только что перенес небольшую операцию, пока нездоров, ездить верхом не может, и поэтому на позицию не поедет. Я поморщился, штабные переглянулись. К нашей «запорожской сечи», очевидно, не подойдет

– «профессор»^[55]...

Выехал я со штабом к стрелкам, которые вели горячий бой впереди города Фриштака. Сближение с противником большое, сильный огонь. Вдруг нас покрыло несколько очередей шрапнели.

Что такое? К цепи совершенно открыто подъезжает в огромной колымаге, запряженной парой лошадей, Марков – веселый, задорно смеющийся.

– Скучно стало дома. Приехал посмотреть, что тут делается...

С этого дня лед растаял, и Марков занял настоящее место в семье «железной» дивизии.

Мне редко приходилось встречать человека, с таким увлечением и любовью относившегося к военному делу. Молодой^[56], увлекающийся, общительный, обладавший даром слова, он умел подойти близко ко всякой среде – офицерской, солдатской, к толпе – иногда далеко не расположенной – и внушать им свой воинский символ веры – прямой, ясный и неоспоримый. Он прекрасно разбирался в боевой обстановке, и облегчал мне очень работу.

У Маркова была одна особенность – прямота, откровенность и резкость в обращении, с которыми он обрушивался на тех, кто, по его мнению, не проявлял достаточно знания, энергии или мужества. Отсюда – двойственность отно-

⁵⁵ Так мы часто потом звали его дружески – шутливо.

⁵⁶ Убит в бою летом 1918 г. – 39 лет от роду.

шений: пока он был в штабе, войска относились к нему или сдержанно (в бригаде) или даже нетерпимо (в ростовский период Добровольческой армии). Но стоило Маркову уйти в строй, и отношение к нему становилось любовным (стрелки) и даже восторженным (добровольцы). Войска обладали своей особенной психологией: они не допускали резкости и осуждения со стороны Маркова – штабного офицера; но свой Марков – в обычной короткой меховой куртке, с закинутой на затылок фуражкой, помахивающий неизменной нагайкой, в стрелковой цепи, под жарким огнем противника – мог быть сколько угодно резок, мог кричать, ругать, его слова возбуждали в одних радость, в других горечь, но всегда искреннее желание быть достойными признания своего начальника.

Вспоминаю тяжелое для бригады время – февраль 1915 г. в Карпатах^[57].… Бригада, выдвинутая далеко вперед, полукольцом окружена командующими высотами противника, с которых ведут огонь даже по одиночным людям. Положение невыносимое, тяжкие потери, нет никаких выгод в оставлении нас на этих позициях, но… соседняя 14 пехотная дивизия доносит в высший штаб: «кровь стынет в жилах, когда подумаешь, что мы оставим позицию и впоследствии придется брать вновь те высоты, которые стоили нам потоков крови»… И я остаюсь. Положение, однако, настолько серьезное, что требует большой близости к войскам; полевой штаб

⁵⁷ Позиция у горы Одриль.

переносу на позицию – в деревню Творильню.

Приезжает, потратив одиннадцать часов на дорогу по непролазной грязи и горным тропам, граф Келлер – начальник нашего отряда. Отдохнул у нас.

– Ну теперь поедем осмотреть позицию.

Мы засмеялись.

– Как «поедем»? Пожалуйте на крыльцо, если только неприятельские пулеметы позволят...

Келлер уехал с твердым намерением убрать бригаду из западни.

Бригада тает. А в тылу – один плохенький мостик через Сан. Все в руках судьбы: вздуется бурный Сан или нет. Если вздуется – снесет мост, и нет выхода.

В такую трудную минуту тяжело ранен ружейной пулей командир 13 стрелкового полка, полковник Гамбурцев, входя на крыльцо штабного дома. Все штаб-офицеры выбиты, некому заменить. Я хожу мрачный из угла в угол маленькой хаты. Поднялся Марков.

– Ваше Превосходительство, дайте мне 13-й полк.

– Голубчик, пожалуйста, очень рад!

У меня самого мелькала эта мысль. Но стеснялся предложить Маркову, чтобы он не подумал, что я хочу устранить его от штаба. С тех пор со своим славным полком Марков шел от одной победы к другой. Заслужил уже и георгиевский крест, и георгиевское оружие, а Ставка 9 месяцев не утверждала его в должности – не подошла мертвая линия стар-

шинства.

Помню дни тяжкого отступления из Галиции, когда за войсками стихийно двигалась, сжигая свои дома и деревни, обезумевшая толпа народа, с женщинами, детьми, скотом и скарбом... Марков шел в арьергарде и должен был немедленно взорвать мост, кажется через Стырь, у которого столпилось живое человеческое море. Но горе людское его тронуло, и он шесть часов еще вел бой за переправу, рискуя быть отрезанным, пока не прошла последняя повозка беженцев.

Он не жил, а горел в сплошном порыве.

Однажды я потерял совсем надежду увидеться с ним... В начале сентября 1915 г., во время славной для дивизии первой Луцкой операции, между Ольшой и Клеванью, левая колонна, которую командовал Марков, прорвала фронт австрийцев и исчезла. Австрийцы замкнули линию. Целый день не было никаких известий. Наступил вечер. Встревоженный участью 13-го полка, я выехал к высокому обрыву, наблюдая цепи противника и безмолвную даль. Вдруг издалека, из густого леса, в глубоком тылу австрийцев, раздались бравурные звуки полкового марша 13-го стрелкового полка. Отлегло от сердца.

– В такую кашу попал – говорил потом Марков, – что сам чёрт не разберет – где мои стрелки, где австрийцы; а тут еще ночь подходит. Решил подбодрить и собрать стрелков музыкой.

Колонна его разбила тогда противника, взяла тысячи две

пленных и орудие, и гнала австрийцев, в беспорядке бегущих к Луцку.

Человек порыва, он в своем настроении иногда переходил из одной крайности в другую. Но когда обстановка слагалась действительно отчаянно, он немедленно овладевал собою. В октябре 1915 г., 4-ая стрелковая дивизия вела известную свою Чарторийскую операцию, прорвав фронт противника на протяжении 18 верст, и на 20 с лишним верст вглубь. Брусилов, не имевший резервов, не решался снять войска с другого фронта, чтобы использовать этот прорыв. Время шло. Немцы бросили против меня свои резервы со всех сторон. Приходилось тяжело. Марков, бывший в авангарде, докладывает по телефону:

– Очень оригинальное положение. Веду бой на все четыре стороны света. Так трудно, что даже весело стало.

Только один раз я видел его совершенно подавленным, когда весной 1915 г. под Перемышлем он выводил из боя остатки своих рот, весь залитый кровью, хлынувшей из тела стоявшего рядом командира 14-го полка, которому осколком снаряда оторвало голову.

Никогда не берег себя. В сентябре 1915 г. дивизия вела бой в Ковельском направлении. Правее работала наша конница, подвигавшаяся нерешительно, и сбивавшая всех нас с толку маловероятными сведениями о появлении значительных сил противника против ее фронта на нашем берегу Стыри. Маркову надоела эта неопределенность. Получаю доне-

сение:

«Съездил вдвоем с ординарцем попоить лошадей в Стыри; вплоть до Стыри нет никого – ни нашей конницы, ни противника.»

Представил его за ряд боев в чин генерала – не пропустили: «молодой». Какой большой порок молодость!

Весною 1916 г. дивизия лихорадочно готовилась к Луцкому прорыву. Сергей Леонидович не скрывал своего заветного желания:

– Одно из двух: деревянный крест или Георгий 3 степени.

Но Ставка после многократных отказов заставила его принять «повышение» – повторную должность начальника штаба дивизии^[58].

Я простился с Марковым следующими словами приказа:

«В тяжелые дни Творильни полковник Марков принял 13-й стрелковый полк.

С тех пор, сроднившись с ним, в течение более года с высокой доблестью, самоотверженно и славно провел его через Журавин, Зубовецкий лес, Мыслятычи, по крестному пути отхода армий, через Дюксин, Олешву,

⁵⁸ Эта общая мера вызвана была огромным недостатком офицеров генерального штаба, ввиду прекращения нормальной деятельности академии. Полковников и генералов перед получением дивизии заставляли нести повторно, на особых основаниях, должность начальника дивизионного штаба.

Новоселки, Должицу и Будки.

Нам всем и памятно, и дороги эти имена. С чувством искреннего сожаления расставаясь со своим сотрудником (по штабу), соратником и другом, желаю ему на новом фронте признания, счастья и удачи».

Пробыв несколько месяцев на Кавказском фронте, где Марков томился от безделья, и затем лектором в открывшейся тогда Академии, он вновь вернулся в армию, и революция застала его в должности генерала для поручений при командующем 10-ой армией.

* * *

Интересны отрывочные заметки, сделанные им в это время в дневнике.

В них отражаются те внутренние переживания, и то постепенное изменение настроения, которые во многом переживало одинаково с ним русское офицерство.

1 Марта. «Был у Горбатовского^[59]. Говорили о событиях в Питере. Дай Бог успеха тем, кто действительно любит Россию. Любопытна миссия

⁵⁹ Командующий 10-ой армией.

Иванова^[60]...

3, 4 Марта. «Все отодвинулось на второй план, даже война замерла. Телеграмма за телеграммой рисуют ход событий. Сначала все передавалось под сурдинку, затем громче и громче. Эверт^[61] проявил свою обычную нерешительность, задержав ответ Родзянке. Мое настроение выжидательное, я боюсь за армию, меня злит заигрывание с солдатами, ведь это разврат, и в этом поражение. Будущее трудно угадать, оно трезво может разрешиться (если лишь) когда умолкнут страсти. Я счастлив буду, если Россия получит конституционно-монархический строй, и пока не представляю себе Россию республикой».

5 Марта. «Написал статью для „Армейского вестника“, и ее приняли как приказ по армии. Все думы, разговоры и интересы свелись к современным событиям. Наша поездка на вокзал; говорил с толпой на дебаркадере; все мирно, хорошо...

6 Марта... «Все ходят с одной лишь думой – что-то будет? Минувшее все порицали, а настоящего не ожидали. Россия лежит над пропастью, и вопрос еще очень большой – хватит ли сил достигнуть противоположного берега.

7, 9 Марта. «Все то же. Руки опускаются работать. История идет логически последовательно. Многое подлое ушло, но и всплыло много накипи. Уже в № 8 от 7-го марта „Известий Петроградского Совета рабочих

⁶⁰ Карательный отряд генерала Иванова, направленный на Петроград.

⁶¹ Главнокомандующий Западным фронтом.

и солдатских депутатов“ появились постановления за немедленное окончание войны. Погубят армию эти депутаты и советы, а вместе с ней и Россию.»

10 Марта... «Получено приказание выехать в Минск для поездки в Брянск. Мое первое выступление перед толпой.»

11 Марта. «В Брянске волнуется гарнизон, требуют от меня привести его в порядок»...

12 Марта. «Еду вместе с Большаковым, он член петербургского совета р. и. с. депутатов.»

В Брянске вспыхнул военный бунт среди многочисленного гарнизона, сопровождавшийся погромами и арестами офицеров. Настроение в городе было крайне возбужденное. Марков многократно выступал в многочисленном совете военных депутатов, и после бурных, страстных и иногда крайне острых прений, ему удалось достигнуть постановления о восстановлении дисциплины, и освобождении 20 арестованных. Однако после полуночи, несколько вооруженных рот двинулись на вокзал для расправы с Марковым, Большаковым и арестованными. Толпа бесновалась. Положение грозило гибелью. Но находчивость Маркова спасла всех. Он, стараясь перекрычать гул толпы, обратился к ней с горячим словом. Сорвалась такая фраза:

– ...Если бы тут был кто-нибудь из моих железных стрелков, он сказал бы вам, кто такой генерал Марков!..

– Я служил в 13-м полку – отозвался какой-то солдат из

толпы.

– Ты?..

Марков с силою оттолкнул нескольких окружавших его людей, быстро подошел к солдату и схватил его за ворот шинели.

– Ты? Ну так коли! Неприятельская пуля пощадила в боях, так пусть покончит со мной рука моего стрелка...

Толпа заволновалась еще больше, но уже от восторга. И Марков с арестованными при бурных криках «ура» и аплодисментах толпы уехал в Минск.

Возвращаюсь к дневнику.

18 Марта... «Приняли все радушно^[62], я, оказывается, уже избран почти единогласно в наш офицерский комитет»...

19 Марта... «организуем офицерско-солдатский комитет штаба X-й армии и местного гарнизона. После обеда первое собрание совета, в который я попал в числе шести единогласно»...

Далее говорится о непрерывной работе во всяких советах и комитетах.

24 Марта. «...Приезд полковника Кабалова, которому, вместе с князем Крапоткиным, было

⁶² По возвращении в свой штаб.

выражено недоверие 133 дивизией... Возвращение членов Думы с позиций к нам. Отказ двух эшелонов 445-го полка ехать на позицию: „воевать хотим, а на позицию не желаем, дайте отдых месяц, два“. До двух часов ночи уговаривал и разговаривал»...

26 Марта. «События во 2-ом Кавказском корпусе, отказ 2-ой кавказской гренадерской дивизии стать на позицию, смещение Мехмандарова, начальника дивизии, и его наштадива»^[63].

30 Марта. «Спокойное, плодотворное заседание армейского съезда до глубокой ночи. В перерыве, до обеда, я собрал лишь председателей всех наших комитетов, и мы выслушали доклад офицеров, приехавших или бежавших из частей 2-ой кавказской гренадерской дивизии. Возмутительная история, вера колеблется, это начало разложения армии».

31 Марта. «Вместо Минска, куда меня приглашали на митинг в качестве оратора, поехал по приказанию Командарма во 2-ой кавказский корпус. Видел Бенескула, принявшего управление корпусом из рук прапорщика Ремнева^[64]. Затем отправился в Залесье, где был собран корпусный комитет 2 кавк. к-са... Получил от него полное осуждение роли Ремнева и 2-ой кавк. грен. дивизии... Ушел при криках овации по моему адресу...»

⁶³ Начальник штаба дивизии.

⁶⁴ Известный демагог прапорщик Ремнев с толпой солдат арестовал и сместил командира корпуса ген. Мехмандарова и вручил командование ген. Бенескулу. Марков очень горячо обрушился по этому поводу на ген. Бенескула.

2 Апреля. «Утром узнал о самоубийстве ген. Бенескула. Днем Головинский сказал мне, что офицеры штаба 2-го кавк. корпуса обвиняют меня в этом, и что они решили написать три письма одинакового содержания ген. Мехмандарову, мне и г-же Бенескул, давая последней право напечатать письмо в газетах. Мне первый раз в жизни сказали, что я убийца. Не выдержал, сделалось дурно, самосознание говорит, что и я виновен. Не надо мне было говорить Бенескулу о некорректности его принятия корпуса из рук прапорщика Ремнева. Я должен был знать его слабость духа, воли, его мягкость. Вечером собрались все наши комитеты и многочисленная публика; я пришел, и заявив, что я убийца, просил судить меня. Через несколько времени за мной прибежали офицеры и солдаты, с просьбой выслушать их постановление. Мое появление, чтение постановления, в котором говорилось, что я поступил, как честный солдат и генерал, и мой уход – сплошная овация всего собрания. И все же, это великий урок на будущее».

3 Апреля. «Продолжаю чувствовать физическую слабость и моральную подавленность»...

10 Апреля. «Утром подал заявления в оба комитета о своем отказе. Устал я, да вероятно, скоро получу наконец назначение».

13 Апреля. «Я верю, что все будет хорошо, но боюсь – какой ценой. Мало говорить – война до победы, но надо и хотеть этого»...

Как знакомы русскому офицерству эти переходы от радостного настроения до подавленного, от надежды до отчаяния, от лихорадочной работы в комитетах, советах, съездах до сознания, что они «погубят армию и Россию». Сколько драм, подобных смерти Бенескула, разыгралось на темном фоне великой русской драмы...

Маркова захватила волна нараставших событий, и он ушел с головой в борьбу, не думая о себе и семье, то веря, то отчаиваясь, любя Родину, жалея армию, которая в его сердце и мысли никогда не переставала занимать большое место.

Не раз еще на протяжении своих очерков я буду останавливаться на личности Сергея Леонидовича Маркова.

Но я не мог отказать себе в душевной потребности теперь же вплести еще несколько скромных листков в его венок.

Венок, который в июле 1918 г. два верных друга положили на его могилу.

И написали: «И жизнь, и смерть за счастье Родины».

Глава XI. Власть: Дума, Временное правительство, командование, Совет рабочих и солдатских депутатов

То исключительное положение, в котором оказалась русская держава – мировой войны и революции – повелительно требовало установления в ней сильной власти.

Государственная Дума, которая, как я уже говорил, пользовалась несомненным авторитетом в стране, после долгих и горячих обсуждений, от возглавления собою революционной власти отказалась. Временно распущенная Высочайшим указом 27 февраля, она сохранила лояльность и «не пыталась открыть формальное заседание», исходя из взгляда на себя, как на «законодательное учреждение старого порядка, координированное основными законами с остатками самодержавной власти, явно обреченной теперь на слом»^[65]. Последующие акты исходили уже от «частного совещания членов Государственной Думы». Это же частное заседание избрало Временный Комитет Государственной Думы, осуществлявший первые дни верховную власть. При комитете существовала еще военная комиссия комитета Государ-

⁶⁵ Миллюков. История второй русской революции.

ственной Думы, возглавляемая генералом Потаповым^[66]. Она пыталась оказать влияние на управление армией, но встретила решительный отпор со стороны Ставки. Сам генерал Потапов так претенциозно определял ее значение: «я состоял председателем военной комиссии, в которой, с арестом членов царского правительства, сосредоточивалась вся власть в стране... Я настаивал на скорейшем принятии отменя всех функций образовавшимся Временным правительством». Это оригинальное самодовлеющее учреждение, находившееся в оживленной связи с Советом раб. и солд. деп., «являясь посредником между совдепом, комитетом и правительством», существовало, однако, до 17 мая, когда на запрос Родзянко, военный министр Керенский уведомил его, что «военная комиссия блестяще исполнила все поручения и задачи в первые два месяца после переворота», но что «в продолжении деятельности комиссии надобности нет».

С передачей власти Временному правительству, Госуд. Дума и Комитет ушли в сторону, но не прекращали своего существования, пытаясь давать моральное обоснование и поддержку первым трем составам правительства. Но если 2 мая во время первого правительственного кризиса комитет боролся еще за право назначать членов правительства, то позднее он ограничивался уже только требованием участия в составлении правительства. Так, 7 июля, комитет Гос. Думы

⁶⁶ Впоследствии жил в Японии, противодействовал адмиралу Колчаку. В 1921 г. поступил на службу к советскому правительству.

протестовал против устранения своего от участия в образовании Керенским нового состава Временного правительства, считая это явление «юридически недопустимым и политически пагубным». Между тем, Гос. Дума имела неотъемлемое право на участие в руководстве жизнью страны, ибо даже в лагере ее противников признавалась огромная услуга, оказанная революции Думой, «покорившей ей сразу весь фронт и все офицерство»^[67]. Несомненно, революция, возглавленная Советом, встретила бы кровавое противодействие, и была бы раздавлена. И может быть, дав тогда победу либеральной демократии, привела бы страну к нормальному эволюционному развитию? Кто знает тайны бытия!

Сами члены Гос. Думы, тяготясь своим вначале добровольным, потом вынужденным бездействием, начали проявлять некоторый абсантеизм, с которым пришлось бороться председателю. Тем не менее, и Дума и Комитет горячо отзывались на все выдающиеся события русской жизни, выносили постановления осуждающие, предостерегающие, взывающие к разуму, сердцу и патриотизму народа, армии и правительства. Но Дума была отмечена уже революционной стихией. Ее обращения, полные ясного сознания грядущей опасности и несомненно государственные, не пользовались уже никаким влиянием в стране, и игнорировались правительством. Впрочем, и такая мирная, не борющаяся за власть Дума, вызывала опасения в среде революционной демократии,

⁶⁷ Станкевич. Воспоминания.

и советы вели яростный поход за упразднение Гос. Думы и Гос. Совета. В августе декларативная деятельность Гос. Думы стала замирать, и когда 6 октября Керенский, по требованию Совета, распустил Гос. Думу⁶⁸, это известие не произвело уже в стране сколько-нибудь заметного впечатления.

Потом долго еще идею 4-ой Гос. Думы или собрания Дум всех созывов, как опоры власти, гальванизировал М. В. Родзянко, пронеся ее через Кубанские походы и «Екатеринодарский добровольческий» период антибольшевистской борьбы...

Но Дума умерла.

Трудно сказать, был ли неизбежным отказ от власти Гос. Думы в мартовские дни, вызывался ли он реальным соотношением сил, боровшихся за власть, могла ли «цензовая» Дума удержать социалистические элементы, в нее входившие, и сохранить то влияние в стране, которое она приобрела в результате борьбы с самодержавием?.. Одно несомненно, что в годы русского безвременья, когда невозможно было нормальное народное представительство, во все периоды и все правительства чувствовали потребность в каком-либо суррогате его, хотя бы для создания себе трибуны, для выхода накопившимся настроениям, для опоры и разделения нравственной ответственности. Таковы «Временный совет Российской республики» – в Петрограде (октябрь 1917 г.), инициатива которого исходила, впрочем, от революционной

⁶⁸ Законный 5-тилетний срок оканчивался 25 октября.

демократии, видевшей в нем противовес предположенному большевиками второму съезду советов; осколок учредительного собрания 1917 г. – на Волге (лето 1918 г.); подготовлявшийся созыв Высшего совета и Земского собора – на юге России и в Сибири (1919 г.). Даже наивысшее проявление коллективной диктатуры, каким является «совет народных комиссаров», дойдя до небывалого еще в истории деспотизма и подавления общественности и всех живых сил страны, обратив ее в кладбище, все же считает необходимым создать театральный декорум такого представительства, периодически собирая «всероссийский съезд советов».

Власть Временного правительства в самой себе носила признаки бессилия. Эта власть, как говорил Милюков, не имела привычного для масс «символа». Власть подчинилась давлению Совета, систематически искажавшего и подчинявшего все государственные начинания классовым и партийным интересам.

В составе ее находился и «заложник демократии» – Керенский, который так определял свою роль: «я являюсь представителем демократии, и Временное правительство должно смотреть на меня, как на выразителя требований демократии, и должно особенно считаться с теми мнениями, которые я буду отстаивать»^[69]... Наконец, что едва ли не самое главное, в состав правительства входили элементы русской передовой интеллигенции, разделявшие всецело ее хо-

⁶⁹ Речь в Совете.

рошие и дурные свойства и, в том числе, полное отсутствие волевых импульсов – той безграничной в своем дерзании, жестокой в устранении противодействий и настойчивой в достижении силы, которая дает победу в борьбе за самосохранение – классу, сословию, нации. Все четыре года смуты для русской интеллигенции и буржуазии прошли под знаком бессилия, непротivления и потери всех позиций, мало того – физического истребления и вымирания. По-видимому, только на двух крайних флангах общественного строя была настоящая сильная воля; к сожалению, воля к разрушению, а не к созиданию. Один фланг дал уже Ленина, Бронштейна, Апфельбаума, Урицкого, Дзержинского, Петерса... Другой, разбитый в февральские дни, быть может, не сказал еще последнего слова...

Русская революция, в своем зарождении и начале, была явлением без сомнения национальным, как результат всеобщего протеста против старого строя. Но когда пришло время нового строительства, столкнулись две силы, вступившие в борьбу, две силы, возглавлявшие различные течения общественной мысли, различное мировоззрение. По установившейся терминологии – это была борьба буржуазии с демократией, хотя правильнее было бы назвать борьбой буржуазной демократии с социалистической. Обе стороны черпали свои руководящие силы из одного источника – немногочисленной русской интеллигенции, различаясь между собою не столько классовыми, корпоративными, имущественными

особенностями, сколько политической идеологией и приемами борьбы. Обе стороны не отражали в надлежащей мере настроения народной массы, от имени которой говорили и которая, изображая первоначально зрительный зал, рукоплескала лицедеям, затрагивавшим ее наиболее жгучие, хотя и не совсем идеальные чувства. Только после такой психологической обработки, инертный ранее народ, в частности армия, обратились «в стихию расплавленных революцией масс... со страшной силой давления, которую испытывал весь государственный организм»^[70]. Не соглашаться с этим взаимодействием, значит, по толстовскому учению, отрицать всякое влияние вождей на жизнь народов – теория, в корне опровергнутая большевизмом, покоровшим надолго чуждую ему и враждебную народную стихию.

В результате борьбы, с первых же недель правления новой власти, обнаружилось то явление, которое позднее, в середине июля, комитет Гос. Думы, в своем обращении к правительству, охарактеризовал следующими словами: «захват безответственными организациями прав государственной власти, создание ими двоевластия в центре и безвластия в стране».

⁷⁰ Слова Керенского.

Власть Совета была также весьма условна.

Невзирая на ряд кризисов правительства, на возможность взять при этом власть в свои руки безраздельно и безотказно^[71], революционная демократия, представленная Советом, категорически уклонилась от этой роли, прекрасно сознавая, что в ней недостаточно ни силы, ни знания, ни умения вести страну, ни надлежащей в ней опоры.

Устами одного из своих вождей – Церетелли, она говорила: «не настал еще момент для осуществления конечных задач пролетариата, классовых задач,.. Мы поняли, что совершается буржуазная революция... И не имея возможности полностью осуществить светлые идеалы... не захотели взять на себя ответственность за крушение движения, если бы в отчаянной попытке решились навязать событиям свою волю в данный момент. Они предпочитали путем постоянного организованного давления заставлять правительство исполнять их требования» (Нахамкес).

Член исполнительного комитета Станкевич в своих «Воспоминаниях», отражающих неисправимую идеологию сбившегося с пути социалиста, дошедшего ныне до оправдания

⁷¹ Я говорю только о несопротивлении этому со стороны Временного правительства.

большевизма, но вместе с тем производящих впечатление искренности, дает такую характеристику Совету: «Совет – это собрание полуграмотных солдат – оказался руководителем потому, что он ничего не требовал, потому что он был только фирмой, услужливо прикрывавшей полное безначалие»... Две тысячи тыловых солдат, и восемьсот рабочих Петрограда образовали учреждение, претендовавшее на руководство всей политической, военной, экономической и социальной жизнью огромной страны! Газетные отчеты о заседаниях Совета свидетельствовали об удивительном невежестве и бестолочи, которые царили в них. Становилось невыразимо больно и грустно за такое «представительство» России.

Мало-помалу в кругах интеллигенции, демократической буржуазии, в офицерской среде накалилась злая и бессильная злоба против Совета; на нем сосредоточивался весь одиум, его поносили в этих кругах самыми грубыми, унижительными словами. Эту ненависть против Совета, проявлявшуюся зачастую открыто, революционная демократия совершенно неправильно относилась к самой идее демократического представительства.

С течением времени приоритет Петроградского совета, приписывавшего выдвинувшей его среде исключительную заслугу свержения старой власти, стал заметно падать. Огромная сеть комитетов, советов, наводнивших страну и армию, требовала участия в правительственной работе. В ре-

зультате, в апреле состоялся съезд делегатов советов рабочих и солдатских депутатов. Петроградский совет реорганизован на началах более равномерного представительства, а в июне открылся Всероссийский съезд представителей советов рабочих и солдатских депутатов. Интересен состав этого, уже более полного, демократического представительства.

Соц.-революционеров – 285
Соц.-дем. меньшевиков – 248
Соц.-дем. большевиков – 105
Интернационалистов – 32
Внефракц. социалистов – 73
Объединен. соц.-демократов – 10
Бундовцев – 10
Группы «Единства» – 3
Народн. социалистов – 3
Трудовиков – 5
Анархо-коммунистов – 1

Таким образом, подавляющие массы не социалистической России не были представлены ни одним человеком. Даже те, чуждые политике или принадлежавшие к более правым группировкам элементы, которые прошли от советов и армейских комитетов под рубрикой «внепартийных», по побуждениям далеко не государственным, поспешили нацепить на себя социалистический ярлык, и растворились в партийном составе. Чисто социалистическими были и все со-

ставы исполнительного комитета совета. При этих условиях невозможно было рассчитывать на самоограничение революционной демократии, и надеяться на удержание народного движения в рамках буржуазной революции. Фактически, у полусгнившего кормила власти стал блок из социал-революционеров и социал-демократов меньшевиков, с явным преобладанием вначале первых, потом последних. В сущности, этот узко-партийный блок, тяготевший над волей правительства, и несет на себе главную тяжесть ответственности за последующий ход русской революции.

Состав Совета был крайне разнороден: интеллигенты, мелкая буржуазия, рабочие, солдаты, много дезертиров... По существу, Совет и съезды, в особенности первый, представляли из себя довольно аморфную массу, совершенно невоспитанную в политическом отношении: центр тяжести всей работы руководства и влияния перешел поэтому в исполнительные комитеты, представленные почти исключительно социалистическим интеллигентским элементом. Самую уничтожающую критику Исполнительного комитета совета вынес из недр самого учреждения член его, В. Б. Станкевич: хаотичность заседаний, политическая дезорганизованность, неопределенность, торопливость и случайность в решении вопросов, полное отсутствие административного опыта, и наконец демагогия членов комитета: один призывает в «Известиях» к анархии, другой рассылает разрешительные грамоты на экспроприацию помещичьих земель, третий

разъясняет пришедшей военной делегации, пожаловавшей-
ся на военное начальство, что необходимо его сместить, аре-
стовать и т. д.

«Поражающей чертой в личном составе комитета является значительное количество инородческого элемента, — пишет Станкевич. — Евреи, грузины, латыши, поляки, литовцы были представлены совершенно несоразмерно их численности и в Петрограде, и в стране».

Я приведу список первого президиума Всерос. центр. комит. советов р. и с. д. :

Чхеидзе — грузин

Саакян — армянин

Крушинский — поляк

Никольский — если не псевдоним, то вероятно русский

Гендельман, Гурвич (Дан), Гольдман (Либер), Розенфельд (Каменев), Гоц — евреи

Это исключительное преобладание инородческого элемента, чуждого русской национальной идее, не могло, конечно, не повлиять в свою очередь на все направление деятельности Совета в духе, губительном для русской государствен-

ности.

Правительство с первых же шагов своих попало в плен к Совету, которого значение, влияние и силу оно переоценивало и которому само не могло противопоставить ни силы, ни твердой воли к сопротивлению и борьбе. Правительство не надеялось на успех этой борьбы, так как, охраняя русскую государственность, оно не могло провозглашать такие пленительные для взбаламученного народного моря лозунги, какие выходили из Совета. Правительство говорило больше об обязанностях, Совет – о правах. Первое «запрещало», второй «позволял». Правительство было связано со старой властью преемственностью всей государственной идеологии, организации, даже внешних приемов управления, тогда как Совет, рожденный из бунта и подполья, являлся прямым отрицанием всего старого строя.

Если до сих пор еще среди небольшой части умеренной демократии сохранилось убеждение в «сдерживающей народную стихию» роли Совета, то это результат прямого недоумения.

Совет, в действительности, не прямо разрушал русскую государственность – он ее расшатывал, и расшатал до крушения армии и прития большевизма.

Отсюда двойственность и неискренность направления его деятельности.

Не желая и не имея возможности принять власть, Совет, вместе с тем, не допускал укрепления этой власти в руках

правительства. Наряду с призывом революционной демократии «оказывать поддержку Временному правительству, поскольку оно будет неуклонно идти в направлении к упрочению и расширению завоеваний революции, и поскольку свою внешнюю политику оно строит на почве отказа от захватных стремлений», недоверием и прямой угрозой звучит дальнейший призыв: «организуясь и сплачивая свои силы вокруг советов р. и с. д., быть готовым дать решительный отпор всякой попытке правительства уйти из-под контроля демократии или уклониться от выполнения принятых на себя обязательств». (Резолюция первого съезда 4 апр. 17 г.).

Но помимо декларативных выступлений, в повседневной жизни Совета и Исполнительного комитета все речи, все разговоры, разъяснения, выступления – устные, печатные – пленума, отдельных групп, отдельных лиц, рассылаемых по стране и фронту – клонились к разрушению авторитета правительства. «Не нарочно, но постоянно, – говорит Станкевич, – комитет наносил смертельные удары правительству».

Сознательно разрушая дисциплину в армии приказом № 1, декларацией прав солдата и постоянным воздействием на военное законодательство и войсковые организации, унизив и обезличив командный состав, Совет одновременно возвещал, что «армия сильна лишь союзом солдат и офицерства», что «командному составу должна быть предоставлена полная самостоятельность в области оперативной и боевой деятельности, решающее значение в области строевой и бо-

ево́й подгото́вки».

Любопытно, кто же направлял военное законодательство по пути демократизации, ломая все устои армии, вдохновляя Поливановскую комиссию, связывая по рукам двух военных министров? Состав лиц, выбранных в начале апреля от солдатской части Совета в исполнительный комитет, определяется так^[72]:

Солдат – 1

Офицеров – 2

Чиновников военного времени – 2

Юнкеров и писарей – 9

Тылов. и частей нестроевых – 5

Характеристику же их предоставлю Станкевичу: «вначале попали истерические, крикливые и неуравновешенные натуры, которые в результате ничего не давали комитету»... Потом вошли новые с «Завадьей и Бинасиком во главе. Последние добросовестно, насколько в силах, старались справиться с морем военных дел. Но оба были, кажется, мирными писарями в запасных батальонах, никогда не интересовавшимися ни войной, ни армией, ни политическим переворотом»...

⁷² Ранее состояло в комитете три офицера военного времени и несколько солдат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.